

Бурлаков Геннадий
Трилогия
«Материализация легенды»
Том 2

Отряд

Серия романов
Архипелаг Монте Кристи

Геннадий Бурлаков

Отряд. Трилогия

«Материализация легенды». Том 2

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бурлаков Г. А.

Отряд. Трилогия «Материализация легенды». Том 2 /
Г. А. Бурлаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Как можно представить себе возникшего из ниоткуда нового графа Монте-Кристо? А почему именно графа, а не графини? Или принцессы? Главное не титул, а наличие средств и возможностей, ненависти и любви, стремлений и тормозов. Ну, и сказки, - само собой, - светлой Сказки! Лично я не теряю надежды на продолжение.

Содержание

Обращение к читателю:	5
Дневник. Год первый. День первый.	6
Олег. Город. 002-1.	8
Отряд. Личное дело. Сестры. 001.	11
Олег. Полет. 003.	13
Враги-008. Общий сбор.	14
Отряд. 001. Общее знакомство. Шабаш.	17
Дневник. Год первый. День тридцать второй.	22
Олег. Клиника. 013. Первое задание.	26
Отряд. Личное дело. Олег. 001.	30
Враги-009. Лейла.	34
Олег. Под водой. 006.	37
Отряд. Личное дело. Горничная. 001.	39
Дневник. Год первый. День пятьдесят девятый.	41
Отряд. 002. Тренировка.	43
Отряд. Личное дело. Массажист. 001.	46
Олег. Клиника. 014. Отчет по первому заданию.	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Обращение к читателю:

В произведении описаны события, имевшие место в реальности: в настоящем и прошлом. Фотографирование и видеосъемка на описанном объекте и вокруг него категорически запрещены законом под страхом смертной казни, потому исключительно чтобы разнообразить скучный текст использованы иллюстрации, взятые совершенно из других мест, лишь отдаленно похожие на описываемые события: фото, карты, имена, лица.

Все совпадения: в описаниях, фото, названиях и именах собственных – с любыми, о которых Вам известно, – случайны и непреднамеренны, т.к. открывать и распространять истинную информацию о любых объектах, механизмах, людях и пр., описанных в данном литературном произведении, запрещено законом. Заранее приношу извинения за возможные совпадения. Предупреждаю сразу – при любом совпадении: Вы ошиблись!

В настоящее время готова трилогия «Материализация легенды» из серии романов «Архипелаг Монте Кристи»:

Островитянка.

Отряд.

Гвардия Принцессы.

Лично я не теряю надежды на продолжение серии романов «Архипелаг Монте Кристи».

Дневник. Год первый. День первый.

Господь, Люблю Тебя, Спасибо Тебе, Нуждаюсь в Тебе, Приди Сейчас в Мое Сердце!

Эта молитва, которую я помню еще с рождения, – которую мне мать часто произносила. Она произносила ее надо мной, и учила меня ей... Эта же молитва впечатана в колонтитул моего дневника, – папа когда-то заказал несколько таких домашних тетрадок для семьи. А мама настояла на такой вставке наверху страницы.

Привет. Меня звать Кристина. Фамилия Монте. Из маминых и папиных уст я всегда, с рождения была Крис, Кристи.

Мне 12 лет, и я решила вести этот дневник для себя лично. Я живу на острове в океане.

Мне грустно, – у меня здесь нет никого из сверстников, с которыми я могла бы поговорить, пообщаться. Потому я вспомнила, как в каком-то фильме мама сказала дочке, что если тебе не с кем поговорить, или если не хочется ни с кем делиться мыслями и информацией, но хочется об этом поговорить, – то веди дневник. С ним ты можешь делиться самым секретным, говорить о самом потаенном, фантазировать и не бояться, что тебя поднимут на смех. В дневнике можно плакаться на жизнь, родителей и любовь, и знать, что они ничего об этом не узнают. Можно критиковать подружек, ругать полицейских, признаваться в любви, показывать средний палец кому угодно, – и получить от этого удовольствие, а в жизни оставаться такой, какой от нас требует общество, – и общество ничего о твоих мыслях и жестах в дневнике не узнает.

Конечно, если дневник не попадет в руки мамы, подруги, полицейского...

Но у меня есть практически 100-процентная гарантия, что этого не произойдет: я практически одна на этом острове

Мама заболела, и моим дневником не заинтересуется. Да и не попадет в мою комнату. А больше на острове никого нет...

Это и хорошо, и ужасно...

Но я отвлеклась. Начну сначала...

Меня звать Кристина, – Кристи. Фамилия Монте. Мне 12 лет. Я живу на острове в океане. И вовсе это не интересно, и тем более не чудесно!...

Моя мама домохозяйка. Она всегда дома, и никуда не ходит. Она умеет готовить пищу, руководить роботами-слугами, знает много разных вещей.

Моя мама родом из СССР. Она родилась в очень благополучной семье. Ее отец, – мой дед, – был очень большим финансистом. Он служил у одного очень влиятельного человека в далекой стране. Этот человек был Правителем небольшой страны.

Дед, – папа моей мамы, – руководил всеми финансами этого Правителя.

Его жена, – моя бабушка, – была красавица. Она блистала в том великосветском обществе всеми оттенками улыбок и цветами своих бриллиантов. Мама говорила, что она была самая блистательная дама в королевстве.

Они познакомились в самолете, когда бабушке стало плохо, а дедушка ей помогал.

Мама училась в университете в Англии, изучала какие-то древние языки, историю. Она должна была выйти замуж за сына Правителя по расчетам деда.

Папа занимался электроникой и оружием. Точнее, он создавал и программировал все наши компьютеры: производства, управления, оружия, строительства и пр. Он разрабатывал, испытывал и внедрял новые системы управления всеми устройствами и системами: от домашних часов и роботов-слуг, систем управления промышленными производствами до межзвездных станций и кораблей.

Дед, – папа моего папы, – был военным инженером. Он проектировал летательные аппараты, – самолеты, ракеты и пр. Его работа была очень секретной, и моя мама о ней почти ничего не знала.

Его жена, – моя бабушка со стороны папы, – была врачом. Они с дедушкой познакомились в госпитале, куда тот попал после террористического акта на территории конструкторского бюро, где работал деда.

Папа встретил мою маму в библиотеке, когда она готовилась к выпускным экзаменам в университете. Они начали встречаться, потом решили пожениться. Вышла за отца наперекор воле деда, своего отца. Она очень любила и любит отца.

Потом родилась Я... Всё, что я знаю о своем детстве и своих родителях, мне рассказывала мама. Это как сказка о далеком сказочном государстве, в котором жили-были разные люди. Мне даже трудно это всё прочувствовать, т.к. я, как получается, в своей сознательной жизни никогда и не жила в реальном мире. Я ЖИЛА НА ОСТРОВЕ.

Моими игрушками были сначала мои детские мягкие игрушки, которыми забита моя детская комната. Мама говорила, что они были мне интересны не долго, – только с куклой Машей я и спала, и ела, и гуляла. Кукла Маша была изначально почти с меня ростом, – ну а потом я ее обогнала.

Мама и папа начали заниматься со мной с одного или двух месяцев. Они показывали мне картинки, показывали буквы и слова и рассказывали мне всё, что есть на этих картинках. Мама говорила, что я потому читать начала с одного года. Ходила с трудом, но в разбросанных на полу табличках со словами уверенно находила слова «мама» и «папа», а потом и другие слова.

Очень быстро я пристрастилась к компьютерным игрушкам, в которых было много цифр и букв. Всякие считалки, стройки, ребусы с буквами и цифрами... Мама очень расстраивалась и считала, что я порчу себе зрение и к хорошему это увлечение не приведет. Да я и до сих пор, если найду где-то такую игрушку, то с удовольствием с ней играю. А папа смеялся, соглашался с мамой, выводил меня от компьютеров на улицу... и приносил новые и новые развивающие игрушки.

Вот и теперь я сижу за компом. Что-то вот вспомнила обо всём, и так грустно стало...

Пошла я на пляж...

Пока. До связи.

Олег. Город. 002-1.

... ВСЁ! Теперь всё! Я готов!... Вперед, ...

Я поехал в ресторан. Вошел туда под руку с Сестрой, водитель остался в машине на улице. Потом отъехал за угол дома, чтобы не привлекать внимание публики ресторана. Мы сели за столик в глубине зала. Пела ласкающую, лирическую музыку немолодая певица. Та или не та? – скорее всего та же... Мы сидели с Сестрой, медленно потягивали легкое вино из бокалов, если какую-то еду, – я уж и не помню какую. И разговаривали.

Сестра под эту музыку разговорилась и рассказала мне, как они втроем, – три сестры, – остались в юном возрасте одни после авиакатастрофы. Без родителей. Как спина к спине с сестрами дрались в детском доме с другими воспитанниками.

Было видно, что Сестре было грустно, – она несколько раз ходила в дамскую комнату. Возможно, докладывалась начальству, возможно на самом деле старалась успокоиться. Несколько раз мы танцевали медленные танцы в центре зала... В зале, с появлением огней уличных фонарей, стало больше посетителей. Кроме медленного блюза стали заказывать различные более веселые мелодии...

И рассказ Сестры стал более мажорным: их перевод в другой детский дом, где преподавали боевые искусства. Потом институт, профессиональный спортивный клуб с боевой подготовкой. Их уже никто не мог обидеть ни на улице, ни на танцах. «Размазывали по асфальту не глядя, и даже без одышки» – улыбнулась Сестра и залпом допила из фужера.

Потом появился менеджер «Тени», – и они, «спина к спине», совершенно спокойно перешли из выпускников института в медицинский персонал Клиники. Здесь тренировочный объем возрос резко и сразу: все виды боевых искусств, все виды холодного и «горячего» оружия, необозримое количество вариантов оказания медицинской помощи при ранениях от тех же видов оружия, с которыми их учили обращаться. Их зачем-то обкатывали танками, «глушили» минометным огнем, учили прыгать с поезда, бронемашину, мчащейся гоночной машины. Им дали возможность стажироваться – и много – в перевязочных, операционных, манипуляционных кабинетах. Они могли в темноте с закрытыми глазами войти в любую вену, зажать любую рану, остановить кровотечение чуть ли не стоя на голове. Прыжки с самолетов и вертолетов разных конструкций, работа с рациями и передатчиками различных армий... Сестра сказала, что рассказанное ею сегодня, – только вершина айсберга их «сестринской» подготовки. Зачем? – Она не знает. Их хорошо кормили, хорошо им платили, не обижали, бесплатно обучали... Почему бы и не жить так? Между делом их учили красиво танцевать, петь, рисовать, ориентироваться по картам, разминировать и минировать различные объекты, воспитывать и растить детей, готовить блюда всех стран и экзотические блюда... Не учили только любить и быть любимыми. Но они любили друг друга, и им этого пока хватало.

Мальчики на улице просто не рисковали к ним подходить. «ТРОЙКА» – за ними закрепилась эта кличка в их родном городе, когда они приезжали туда в гости к своим подругам из училища. «Тройка», – даже когда они появлялись на улице по одной или в паре. Однокурсницы почти все уже повыскакивали замуж, нарожали некоторые уже и не одного ребенка, – а они всё продолжали учиться. Хотелось любви. Но «тройку» просто панически боялись, почему-то, все местные ребята. Уже не мальчики к девочкам, а наоборот девочки к мальчикам подходили пригласить на танец в ресторане, в баре, на танцплощадке, – и мальчики начинали «писаться» еще до их приближения только от их взгляда.

Тогда сестры перестали ездить в свой город. Они отрезали своё прошлое и ... и я поцеловал Сестру во влажные от слез губы. Я оглянулся, желая поменять музыку на более веселую и....

... И увидел лицо, прижавшееся снаружи к стеклу витрины и глядящее мне в глаза. В тех глазах я увидел ненависть и пустоту. Страх и борьбу. Мольбу и отчаяние. Я смотрел ему в глаза, но лицо исчезло. Я остановил рукой Сестру, поднялся из-за столика и вышел на улицу из ресторана. На асфальте под окном в старом свитере, сморщенном сползанием по стене, сидел парнишка.

– У меня есть пистолет, у меня есть пистолет... – шептал он одними губами, но я его почему-то услышал. Мне стало не по себе. Я стоял поодаль и смотрел на сидящего почти в луже паренька. Он мне что-то напоминал. Видимо вызванный Сестрой, подъехал мой автомобиль.

Резкий звук визжащих шин на повороте, рокот мощного двигателя, и красный цвет сверх дорогой иномарки привлекли внимание всех прохожих. Многие даже остановились, чтобы получше рассмотреть такое редкое чудо. Машина резко, с той же неповторимой чопорностью притормозила около дорогого ресторана. Водительская дверца открылась, и все еще больше удивились, как я подошел к переднему сиденью, взял из пакета парик и надел его. Сестра стояла на крыльце ресторана, готовая к любым действиям...

– У меня есть пистолет, у меня есть пистолет... – взгляд паренька с прищуром, легкая кривая улыбка, и цепкие глаза наводили непонятное чувство страха и тревоги за него.

Прохожие, рассмотрев все в деталях, быстро заспешили по своим делам. Неизвестно чего можно ждать от такого непонятного, пугающего типа. На улице почти никого не осталось.

Странный парень в свитере, посмотрел на меня внимательно, и я присел рядом.

– Что же ты нос повесил? Вроде такой молодой, здоровый парень, а расселся посреди улицы, как нищий. Вроде и работа у тебя есть, и на жизнь хватает, – спросил я, опустив руку на плечо парню.

От удивления парень дернулся и вынырнул из своих сладостных грез и сказал.

– Мне нужен пистолет.

– Всегда нам что-то нужно. То денег, то славы, то еще не поймешь чего. Всегда и все чего-то хотят. И всем срочно. И когда же мы, люди, поймем, что если мы чего-то сильно хотим, то мы этого обязательно добьемся. И все зависит только от нашей силы воли и от нашей настойчивости. В этом мире нет ничего невозможного. Это мир бесконечных возможностей.

– Мне нужен пистолет! – более осмысленно и четко произнес парень. Его желание совершить то, что задумал, и решимость крепили от того что кто-то все же оказался рядом. Этот кто-то присел рядом и смотрит на него. – Мне нужен пистолет, – повторил парень, и опять представил, как он сжимает заветное оружие. Заходит....

Я уже знал, чем закончится эта сценка из моей прошлой жизни, но ничего другого поделаться с собой не мог.

– Хорошо. Ты, как я вижу, так сильно этого хочешь... Твоя уверенность мне нравится. Держи, – я протянул руку. В руке был револьвер из пакета.

Парень тупо уставился на протянутую «игрушку». Точно такой, как он себе представлял. Только более четкий, более детальный. Револьвер был тяжелым, но удобно лег в руку, вселяя твердую уверенность во всем, что было задумано. Парень встал, – я махнул рукой Сестре, чтобы она не вмешивалась, – подошел к дверям ресторана, и даже не оглянувшись на незнакомца, зашел внутрь.

Я сел на то же место на асфальте, на котором сидел парень. Просто сидел и молчал. И смотрел бездумно перед собой. Из ресторана слышались испуганные женские вопли.

Самая маленькая лужица уже почти замерзла. Не то чтобы ей было сильно холодно, просто ей хотелось выделиться больше всех. Проявить себя хотя бы в этом. Ведь рядом была другая лужа, большая и страшная, которая не могла замерзнуть так быстро, но которая, будь у нее такая возможность, обязательно проглотила бы маленькую. Я сидел рядом, слушал мысли и переговоры этих лужиц и смотрел, смотрел, смотрел... Я ухмыльнулся своим мыслям, представив, как эти лужицы...

...Серия громких выстрелов задала ритм крикам в ресторане. Из дверей стали выбегать ближайшие к выходу люди, и разбежались в разные стороны. Следом за всеми вышел паренек. Лицо его не выражало никаких эмоций, глаза были пусты, и, казалось, ничего не видели. Несколько капель крови еще стекали вниз, смешиваясь со случайными слезами. Подойдя к сидевшему незнакомцу, он выронил револьвер на землю. Я забрал револьвер и передал его подошедшей Сестре. Посмотрев на землю, парень увидел, что стоит в одной из так небезразличных мне луж.

Запоздало из ресторана выбежали охранники. Их крики и приказы остановиться и лечь на землю, казалось, слышали все – кроме того к кому они были обращены. Парень резко развернулся к окну, чтобы посмотреть на дело рук своих, но развернулся и пошел прочь от всех. Прочь от всех и навстречу охранникам... Раздалась целая какофония выстрелов, – кажется, из двух пистолетов... Три судорожные вспышки боли остановили парня. Отброшенное назад тело упало как раз у моих ног. Последний вздох выдавил из его груди целую лужу крови. Еще одна прозрачная сосулька сорвалась с края крыши и упала в грязную лужу. Подбежавший охранник, казалось, не видел меня, сидевшего рядом с трагедией. Я встал, и каким-то непостижимым магическим образом прошел как бы сквозь охранника. Никто не увидел, как красная Феррари рванула с места и умчала в неизвестном направлении.

Отряд. Личное дело. Сестры. 001.

Сестры остались в юном возрасте без родителей и родных, – после авиакатастрофы посольского авиалайнера в какой-то дальней африканской стране. После этого известия скоропостижно скончалась от инфаркта их бабушка, которая их растила, которой родители присылали деньги на их воспитание. Когда встал вопрос о том, что воспитывать малышей, похожих друг на друга как три капли воды, больше некому, – не было ни одного родственника. Бабушку похоронили соседи, а малышей сдали в детскую комнату милиции для решения вопроса их дальнейшей судьбы.

Потом боевые похождения «спина к спине» в детском доме, где постепенно, – сначала подушками, а потом и с арматурой в каждой руке, – они сами стали серьезной угрозой для тех, кто даже толпой попытается их обидеть. Чувство победы над противником уже приносило им всем троим удовольствие. Драки участились, т.к. сестры отвоевывали и расширяли своё жизненное пространство.

И скоро их рекомендовали к переводу в другой детский дом, где готовили девочек-охранников, и потому преподавали боевые искусства, – типа устали терпеть местнические бои с их участием. И потому в новом детском доме последующие междоусобные разборки-драки были узаконены и локализованы в пределах тренировочных залов.

Изначально они научились понимать друг друга без слов, объясняться и подавать сигналы взглядом, «слышать» движения губ, сигнализацию пальцев, язык глухонемых.

После выпуска из этого «боевого» детского дома они втроем поступили не в охрану, как планировало руководство приюта, а в медицинский институт на лечебный факультет. «Драчливый» спорт не бросали, продолжали ходить сначала платно в залы для боевой подготовки, а потом, после тройной победы в каком-то турнире, когда втроем разделили все три первые ступени победителей, их пригласили в профессиональный элитный клуб, где они стали уже не платить, а получать неплохие деньги за тренировки и выступления.

Так длилось уже до самого конца учебы. Не только обидеть на улице известных в городе и районе членов «боевой тройки», но даже улюлюкнуть или косо посмотреть вслед им не рисковали ни местная шпана, ни местные зековцы, – получившие несколько раз «маленькую трёпку» под горячую руку от разгоряченной на тренировке тройцы. «Размазывали по асфальту не глядя, и даже без одышки» – как характеризовали это сестры. Могли бы просто держать сами улицу, квартал, может быть и весь маленький городок, если бы поставили такую цель, если бы это было им надо.

Потом в их жизни впервые появился менеджер «Тени», – и они, «спина к спине», совершенно спокойно перешли из выпускников института в медицинский персонал Клиники. Им дали возможность стажироваться – и много – в перевязочных, операционных, манипуляционных кабинетах. Весь тренировочный объем возрос резко и сразу: все виды боевых искусств, все виды холодного и «горячего» оружия, – и необозримое количество вариантов оказания медицинской помощи при ранениях от тех же видов оружия, с которыми их учили обращаться. Они могли в темноте с закрытыми глазами войти в любую вену, зажать любую рану, сделать перевязку, остановить кровотечение, – чуть ли не стоя на голове. В головы и руки были заложены знания и навыки небольших жизненно важных операций. Их зачем-то обкатывали танками, «глушили» минометным огнем, учили прыгать с поезда, бронемашины, мчащейся гоночной

машины. Прыжки с самолетов и вертолетов разных конструкций, работа с рациями и передатчиками различных армий...

И это только вершина айсберга их «сестринской» подготовки. Их хорошо кормили, хорошо им платили, не обижали, бесплатно обучали... Между делом их учили красиво танцевать, петь, рисовать, ориентироваться по картам, разминировать и минировать различные объекты, воспитывать и растить детей, готовить блюда всех стран и экзотические блюда, – простыми и с целенаправленными ядами... Не учили только любить и быть любимыми. Но сестры искренне любили друг друга, и им этого пока хватало.

Сестры перестали ездить в свой город. Они отрезали своё прошлое и...

Учеба боевым искусствам была прервана неожиданно.

Приехавший менеджер «Тени» предложил им работу в одной из программ Клиники. Неизвестно, как бы сложилась их судьба, если бы они отказались. Заинтриговало предложение еще и тем, что изначально, еще до объяснения их будущих обязанностей, было объявлено о том, что предложение действительно только в том случае, если они соглашаются втроем. Но повода отказывать работодателю у них не было, потому, переглянувшись, они согласились.

После их согласия их зачислили в состав Отряда и расположили в хвойном лесу в нескольких минутах ходьбы от Клиники.

Вскоре прибыл Клиент...

Олег. Полет. 003.

... я начал углубляться в заросший лесом остров. Что это?..

Заметив непонятные неровности на поверхности между деревьев, я подлетел ближе. Я перестал уже задумываться, как происходит этот полет, и стал просто типа тянуться мысленно в требуемом направлении, и мое тело послушно выполняло это «тянуться».

На склоне горы большей части острова (наверно, лучше, всё же, звать это скопище островов архипелагом) небольшое строение скрытого типа. Явно сознательно изначально скрыто землей и растительностью, со временем еще больше заросло. Непропорционально разрушенное укрытие говорило о том, что за этим строением долгие годы не ухаживали. Хотя разрушений больших не было, возможно потому, что в этом климате нет ливневых осадков и диких морозов. Но эти мысли о погоде тоже на уровне предположений.

Схрон? Вход в подземелье? Подземное жилище? Подземный ход? Катакомбы?

Не смотря на маленькие размеры входной двери, внутренние размеры помещений могли быть ограничены только глубиной расположения и физическими законами. Вот было бы интересно обследовать этот вход!... Что это всё же такое? Тогда приближаемся...

Я стоял перед дверью. Сверху и со всех сторон была насыпана земля, – возможно дверь прорублена в скале? Трава хорошо разрослась над входом в эту дверь. Если бы я не подлетел так близко, или подлетел бы с другой стороны, то никогда бы не понял, что это за пригорок на склоне большой горы. Так же было бы и при взгляде с любой высоты.

Случайно или специально было вызвано строителями ощущение, что это вход в сказочный мир гномов или других сказочных персонажей. Не знаю, не знаю... Возможно сыграло значение прошедшее после строительства время... Типа старинный лаз в шахту или домик гномов. Но это же на самом-то деле не детская площадка, а необитаемый, как я предполагаю, остров. Зачем здесь скрытый стилизованный под сказку вход под землю? И зачем его вообще скрывать от постороннего взгляда, если тут нет людей? А может были когда-то? С таким же успехом, я могу задавать себе вопрос о том небольшом замке с колокольней на островке в лагуне...

Интересно, а если мне удастся проникнуть в этот ход, мне станет что-то понятнее? Что за ответы я получу на свои вопросы? Или только вопросов станет еще больше? – Скорее всего, на много больше. Ведь уже сейчас мне неизвестно, кто и зачем это сделал. Жители островка? Или островок сообщается с этим входом? Но кто мог проделать такую гигантскую работу на необитаемом острове, чтобы сделать подземный ход под лагуной? И зачем? От кого скрываться? И кто эти люди? И те, которые скрываются, и те, от кого скрываются?

Слушай, хватит думать! Так и голова будет болеть от чужих проблем!...

Я облетел сначала этот пригорок, где нашел эту дверь, потом немного дальше, – обследовал местность. Никаких следов разумной жизни. Ни вырубленных кустов, ни следов ходьбы или волочения от дверей ни в какую сторону... Да, похоже, здесь живут бездеятельные гномы!

Слушай, а чем я рискую, если зайду в этот лаз? Я, похоже, бестелесное облакоподобное создание, которое пока не встретило никаких опасностей для себя. Облакоподобное? Хм... Придумал же... «Я тучка, тучка, тучка! Я больше не медведь. И как приятно тучке по небу лететь!» – так, кажется, пел Вини Пух?

Ладно, заходим...

Враги-008. Общий сбор.

Лайнел, Сеон и Ясив внимательно смотрели друг на друга. Лайнел смотрел сквозь дым сигары, Сеон прищурился одним глазом сквозь бокал с прозрачной жидкостью то на одного, то на другого, Ясив смотрел открыто и спокойно просто перед собой. На столике перед ними, – а больше перед Лайнелом и Сеоном, – лежали рисунки карандашом и авторучкой. Как будто маленький ребенок разбросал их в беспорядке, не заботясь ни о чем.

Ясив: – ...Больше оттягивать у меня нет желания.

Лайнел: – Подожди, значит, ты уверяешь, что есть какой-то остров...

Ясив: – ...Архипелаг, – перебил и затянулся сигаретой Ясив.

Лайнел: – Хорошо, пусть будет архипелаг. Словом место, которое неизвестно ни нам, никому-то еще, где могут скрываться значительные постройки и неизвестные нам люди?

Ясив: – Я просто уверен в этом! – Ясив продолжил увлеченно размахивать руками. – Понимаете, господа, на этот архипелаг ушли люди, деньги, материалы и начала разработок идей целой хорошо развитой страны. После того, как исчез этот, как вы его называете, остров, в стране начался страшнейший финансово-материальный кризис. После смерти Правителя той страны исчезли все их разработки в самых разных областях. Мы просеяли через самое мелкое сито людей, институты, библиотеки. Мы вошли в самые секретные лаборатории и исследовательские центры, но ничего не нашли. Представленные ранее на мировых выставках муляжи и образцы техники, достижений химиков, расчеты физиков и всё остальное – просто пропало. Тот потенциал, ради которого была разрушена целая нация этой небольшой страны испарился, как утренний туман под лучами солнца. Самое страшное, что вместе с людьми исчезли и все бумажные и электронные носители, имеющие хоть какое-то отношение к этим разработкам.

Сеон: – Может быть, этих разработок и не было? Может, нас кормили миражами, а не муляжами?

Лайнел: – Не знаю, не знаю. Помните русский процессор, изобретенный в 70-х годах где-то в Сибири или на Урале, который и сейчас превосходил бы по той своей скорости наши современные «пентиумы» и «целероны»? Он был якобы построен без похожих на наши сверхточных расчетов и сверхчистых материалов людьми, о которых мы тоже ничего не знаем? Куда он делся? – Я не знаю. А кто-то знает? И это в те годы, когда мы только начинали думать, что электронная лампа не предел совершенства в качестве узлов радио! Мы смялись над шуткой пародистов, что в кулаке можно спрятать несколько телевизоров, – почему-то именно русские пародисты эту фразу первыми произнесли. Мы долгие годы уговаривали людей потом, спустя много лет, поверить, что вычислительные машины семейного и офисного типа улучшат нашу жизнь! – А русские уже смогли выпустить в свет такой процессор, хотя и в единичных представительских количествах!...

Сеон: – Этот процессор отнесли на счет русской пропаганды и рекламы своих сил, как и их неработоспособную систему противоракетной обороны от нашего СОИ.

Лайнел: – Да нет, не везде русские обманывали. Конечно, «ракетный щит», о котором они кричали в ответ на наши разработки космического оружия, может и был блефом, но их некоторые достижения всё же были реальными. Я могу судить об этом, – хоть и не как специалист, – но я лично держал в руке цилиндр из брони нашего тяжелого танка.

Сеон: – Я этого не слышал, расскажите.

Лайнел: – Ну, на одну конференцию по каким-то там волновым исследованиям, – или я не помню точно, чему она была посвящена, – пригласили русских. Я прибыл туда со своей дамой, которой очень хотелось засветить свои наряды именно на этом форуме, и арендовал пентхаус.

Русские прибыли в сопровождении своих военных и какого-то оборудования. В декларации они отписали, что это оборудование защитит от прослушки номеров, а на словах: чтобы гульнуть как следует с нашими проститутками вдали от своего начальства и своих жен. А за одно, они еще и нас научат такой защите. Им поверили и разрешили остаться на конференции. Когда начались пленарные заседания, они попросили через министерство обороны страны, принимающей гостей, принести самую крепкую бронеплиту своего самого крепкого танка, – для демонстрации какого-то фокуса. Обещали даже не подходить к ней близко. Они и не подходили. Но они вырезали за несколько секунд дыру на всю глубину этой бронеплиты – насквозь – такого диаметра, что мой кулак туда пройдет, хотя и туго. Более того, цилиндр, вырезанный из этой брони, прилагался отдельно как маленький сувенир. Цилиндр лежал отдельно за плитой после всех манипуляций, и не было никаких сомнений, что он как раз вырезан из этой плиты: его размеры, химический и изотопный составы, – всё совпадало, и сомнений не было. А цилиндр не был холодным, хотя и не был слишком горячим, что ожидали наши специалисты. До распада СССР за этой технологией рванулись все разведки мира, – не нашли. После распада СССР эта технология пропала бесследно. И вместе с процессором не всплывает до сих пор. Что вы на это скажете?

Сеон: – Фантастика! Брехня! Пропагандистский трюк! Это же времена «холодной войны»!

Ясив: – Ну почему же? – Я верю, что такое, в принципе, возможно, просто мы не знаем, как это было сделано. Молекулярные связи, атомарные притяжения...

Лайнел: – Вот и я не знаю, хоть и хотел бы чисто из любопытства посмотреть, как это они сделали: из нашей брони бесконтактным методом вырезали цилиндр диаметром с кулак. Не выжгли, а именно вырезали.

Сеон: – Да русские умели пыль в глаза пускать. Тех людей сейчас бы на рекламные просторы...

Ясив: – ...А почему Вы думаете, что они там сейчас и не трудятся?

Сеон: – Тоже правильно поставленный вопрос. Но мы отклонились от сути нашего разговора. Продолжите его, пожалуйста.

Ясив: – ...Погиб Правитель. Исчезли люди, исчезли разработки, технологии будущего, нет даже артефактов... Да, кстати, когда-то на каком-то закрытом от прессы приеме, где оказался типа «случайно» наш сотрудник, Правитель, смеясь, сказал, что у них есть артефакты, которые перевернут все представления о науке будущего. Но и эти артефакты, – или что он там подразумевал под этим, – найти так и не удалось. И никто об этом точно не знает ничего до сих пор.

Лайнел: – А пробовали ли вы...

Ясив: – ...Да всё мы пробовали. Можно представить себе, что бы спрятали процессор или там лазерную пушку. Но невозможно спрятать в чайную чашку или незаметно утопить в ней флотилию, например, авианосцев. Нельзя увезти из страны и спрятать без соответствующего внешнего специфического фона ядерные реакторы и ядерные материалы для них в количествах, от которых кровь стынет в жилах. Нельзя спрятать новые беспрецедентные разработки в системах связи, которые не оставляют следов при и после их использования.

Сеон: – Стоп, что Вы сказали о системах связи? – он перевел взгляд на Лайнела.

Ясив: – Пожалуйста. Была в разработке у них какая-то, – никто не знает какая, – система передачи данных между станциями, подразделениями, городами и пр. Ее не могли бы засечь никакие наши системы обнаружения! Да что там системы связи!?! Разрабатывался или даже внедрялся новый язык программирования для компьютеров, который не могли бы увидеть и распознать никакие ныне существующие системы.

Лайнел: – А последнее поподробнее...

Ясив: – Подробности, как раз и нет. Ну, НЕТ – и всё! А что, есть варианты?

Сеон: – Да есть тут нестыковки в некоторых банковских вопросах, типа: вот деньги есть, а вот их нет. И тоже, как Ваши артефакты, исчезают в никуда.

Ясив: – Искали?

Лайнел: – Да и не спрашивайте! Искали с самым великим пристрастием.

Ясив: – Много денег?

Сеон: – Да уж не мало. И людей покروшили немало при поисках... Суммы вполне соизмеримы с несколькими Вашими эскадрами авианосцев вместе с их портами приписки и усиленным корабельным сопровождением и вооружением.

Ясив: – Я что-то пропустил?

Лайнел: – Каждый занимался своим делом, потому нам и надо вот так временами встречаться и разговаривать.

Ясив: – ...Да разве ж я против? Мне приятно с вами, господа, общаться. Так что там произошло с финансами? Расскажите?

Дальше Лайнел и Сеон рассказали проблемы с титаном и финансами, их сопровождавшими. Ясив задумался и сказал.

Ясив: – Господа. Я не зря, думаю, заинтересовался этим островом. Его надо найти, – может быть, мы получим ответы на свои вопросы.

Лайнел: – Да я же не против, ищите. И держите нас в курсе.

Сеон: – Вот чувствую я, что всё интереснее и интереснее разворачиваются события!...

Лайнел: – Сил и ресурсов хватит?

Ясив: – Хватит. Если что, – я обращусь. Ваши возможности я знаю.

Отряд. 001. Общее знакомство. Шабаш.

Я проснулся рывком, как от толчка, лежа на спине. Сестры спали с двух сторон от меня, обняв меня и руками, и ногами. Или переплелись вместе «со мной в середине», или переплелись «между собой», а меня забыли вытащить из своих объятий. Возможно, они просто привыкли спать втроем, и потому я удачно вписался в их постельные привычки. Третья сестра сидела в кресле напротив и, судя по звукам, во что-то играла в своем смартфоне, даже не поднимая глаза на нас. Вот уж точно, охрана со всех сторон.

За вчерашний вечер память вернулась тоже сразу. После временного или пространственного, – не знаю уж как это и назвать, – парадокса, да еще и под воздействием выпитого вина, мы с Сестрой устроились на заднем сиденье машины, обнялись и практически не выпускали друг друга из объятий всю дорогу. Перед крыльцом дома машина остановилась, нас из нее вытащили и поставили на ноги другие сестры и водитель, и препроводили внутрь. Не потому, что мы сами не могли, а потому что не хотели отпускать друг друга. Потом душ вдвоем, потом постель втроем, потом сон...

Спал я очень хорошо. В сознании отложилось, что я не должен сегодня вставать, что сегодня выходной, – и я не спешил включать сознание. Но обильно выпитая вчера жидкость давала о себе знать внизу живота, и вполне естественно всё настойчивее просилась наружу. Значит, надо подниматься.

Я начал шевелиться, чем потревожил спящих девушек. Они «включились», как мне показалось, одновременно, глянули перед собой, – благо обе были повернуты лицом ко мне, – потом подняли головы от подушки и глянули друг на друга. Я поднялся и ушел в санитарный блок, а когда вернулся, в комнате уже никого из троицы не было. При подъеме я обнаружил, что на мне нет ничего, кроме часов-браслета, – да и что могло быть после душа и прочего... Попробовал снять часы, но не нашел, в чем секрет застежки, и потому не стал и ломать ее.

После утреннего душа пришла Сестра и поменяла мне повязки на ранах. Раны практически зажили, и беспокойства почти не вызывали. Препроводила в гардеробную, совершенно не обращая внимание на мой вид.

Окончательный подъем. Завтрак. Сегодня я решил завтракать по всем правилам, – за столом в столовой второго этажа, о чем сказал Сестре. Завтрак был быстро сервирован и приютно обставлен руками Официанта, после чего они оставили меня одного.

Я медленно завтракал и думал, чем бы заняться в мой выходной, – может быть последний в этом неизвестном мне еще месте и перед предстоящей непонятной работой. И мысленно возвращался ко вчерашнему вечеру около ресторана. Мысленно повторил все события, все движения, – свои и других людей. Впервые обратил внимание на то, что за весь вчерашний вечер Сестра от меня не отходила, но и не вмешивалась в происходящее. Не может быть, чтобы она не видела, как я передал пареньку свой револьвер. Она стояла около меня, пока я стоял над парнем, когда я сидел толи около лужи, толи в самой луже. Как бы незаметно она переместилась на возможную линию огня охранников, но те стреляли в другом направлении... Уже в машине, целуя и обнимая, я нащупал у нее под одеждой бронежилет, – и совершенно не удивился. Удивился тому, что не нащупал его во время танца... Получается, что она совмещала полезное с приятным: охраняла меня весь вечер, не смотря на танец, выпитое вино, музыку внутри и непонятную ситуацию снаружи ресторана. И только в машине немного ослабила свое напряжение. Видимо, дома она просто передала свою смену сестре, потому мы и не расставались до утра...

Но мне было не менее интересно, что же всё-таки на самом деле произошло ТАМ, – у ресторана и в ресторане. Черт! Есть же такая возможность!... Я включил телевизор перед

обеденным столом, переключил несколько каналов и нашел запись репортажа и комментарий репортеров по вчерашнему событию. Понятнее не стало. Если сравнивать с тем, что я знал о своих «похождениях» практически месячной давности, то можно сказать, что всё практически повторилось. Только теперь не со мной...

Ладно, надо будет это всё обдумать в спокойном состоянии, а не в состоянии неги и блаженства, в котором я находился после сегодняшней ночи.

Кстати, а сколько мы вчера выпили в ресторане? Я позвал Сестру, – от завтрака она отказалась, – и попросил, если это возможно, позвать мою вчерашнюю спутницу. Та принесла счет из ресторана и села рядом, – оказывается, я вчера на выходе протянул ей свою карточку и поручил расплатиться, – что выпили мы достаточно много. Только после этого я «дарил» прохожему револьвер, а она закрывала меня от пуль охранников. Мда!... Крепкая девчонка. Хотя, если учесть ту школу жизни, которую они с сестрами прошли, можно было бы не удивляться.

И стало интересно, сколько же понадобится напитков, чтобы вывести ее из строя?

Я смотрел на Сестру и думал, что если я хочу выжить и рано или поздно вырваться из Клиники, то мне надо подружиться с девушками. И сделать это возможно только получив информацию от них, о них, – ну и подружиться. Хорошо бы еще и влюбить в себя... Это было бы просто идеально, – во всех отношениях.

– Сестра, а как распределяются охранные обязанности между всеми, кто меня окружает?

– Мы, сестры, как бы главный и первый внутренний «слой», – если можно так сказать, – обороны. Наша функция непосредственно спасти, вывезти, сохранить, вытащить, – ну и т.п., – Клиента. Водители потому напрямую подчинены нам. Как и сержант, – ну, т.е. Хозяйка. Водители должны обеспечить мобильность группы любой ценой. Хозяйка – командует остальными, хотя прямое руководство идет тоже от нас...

– Ну, если вот сейчас что-то случается, то сестры оплетут меня своими телами и потащат к машине, а остальные рассыплются по периметру и будут прикрывать наш отход?

– Где-то так... Мы, сестры, имеем самую высшую подготовку в группе и можем делать всё то, что умеет делать любой из нашей группы. Хотя у каждого из группы есть свои специфические умения и склонности. У нас во всей группе взаимозаменяемость. Кто-то лучше всех стреляет, кто-то виртуознее водит самолеты или плавает на глубине. Ну и так далее. Например, лучше водить машины и различные колесные механизмы, чем наши американки, никто не может.

– А они, что же, на самом деле американки?

– Да, самые настоящие.

– И есть еще не русские?

– Да кроме сестер никого русских и нет. Полный интернационал.

– Ух, ты!... Я начинаю жалеть, что многих даже не видел, и ни с кем, кроме сестер практически не знаком!... Слушай, ведь сегодня же воскресенье? Выходной?

– Да.

– Так давай объявим на сегодня нашу внутреннюю вечеринку, – оторвемся и познакомимся все.

– Ну, не знаю. Можно, наверно... Нам по контракту положено выполнять все Ваши приказы, а сами мы как-то и не пробовали проявлять такую инициативу вместе. Живем тут, правда, совсем недавно, – да и приехали сюда из разных мест, – но вместе как-то не собирались.

– Так! Зови сюда Хозяйку.

Словом, с их помощью я организовал на сегодня сабантуй. Выяснилось, что в хранилищах дома много интересных напитков, закусок, есть всевозможная музыка и пр. Мы сходили втроем осмотрели зал на первом этаже, обсудили возможную перестановку там мебели, укрепили на подиуме вертикальный шест на случай, если типа кому-то захочется им воспользоваться. Моя роль тут не велика, – только подал идею, а скучающие девчонки сами притащили

легкие столики и стулья, украсили гирляндами зал, перетаскали много напитков в бар, – ну и т.д.

В конечном итоге я устал от суеты, – их много, а я один, – и ушел на второй этаж к компьютеру в кабинете. Нашел, пока они возились внизу, репортажи и комментарии по тому вечеру, когда я сам прижимался лицом к стеклу ресторана извне, когда... Словом, посмотрел и послушал «голоса из прошлого»... Но ничего нового я не услышал. В разной интерпретации разные репортеры взахлеб пересказывали всё то, что я так или иначе уже знал.

А кстати, я в настоящее время выехал или не выехал из черты города? Я же давал подписку о невыезде!... Надо будет завтра поинтересоваться.

Я нашел канал в доме, по которому собирались все потоки информации с видеокамер и выбрал те, которые передавали из зала. Мельком наблюдал на одном из мониторов, как девчонки с хохотом толкаются и тащат какой-то гимнастический мат на середину зала. Что это они там придумали? Звук их голосов был слышен просто великолепно.

Пришли девушки и позвали в зал. Я включил дублирующую запись происходящего в зале и около бассейна, – чтобы потом не искать это в анналах охранной системы, – и спустился в зал.

В зале я бегло пересчитал участников, и обнаружил, что не хватает двоих. Кого? – Оказалось Водителей. Послали за ними. Я сказал, чтобы они поставили свои машины перед входом в дом, чтобы нам не надо было долго ждать, если захочется покататься или придется куда-то срочно ехать.

– А куда ехать? – настороженно спросила Хозяйка.

– Ну, а вдруг нам водки не хватит? – сказал я. – В магазин, конечно.

Раздался дружный хохот. Оказалось, что напитков они натаскали со склада столько, что напоить роту пьющих мужиков до мертвецкого состояния проблемой не было бы вообще. «Но лиха беда начала!...» – подумал я.

– Ну, или покататься захотим, – попытался я реабилитироваться.

Хохот усилился. Чего-то я о них не знал, т.к. объяснять этот новый приступ хохота они не захотели.

Водители пригнали машины, принесли еще стулья...

Я включил музыку, мигающие гирлянды, и высказал в качестве первого тоста «за знакомство» свое пожелание получше всем нам между собой познакомиться, рассказать каждый о себе, и сопровождать каждый шаг знакомства дружным распитием напитков. И только крепких напитков, – не иначе. Это вызвало дружный гул голосов. Видимо, все об этом думали, – о знакомстве, – но никто ранее как-то не высказал этого вслух... И ПОНЕСЛОСЬ!...

Я вышел на подиум и первый рассказал о себе, о том, кто я, какой я хороший, что люблю и что не люблю в жизни, что знаю о своем характере... Ну, и т.п. Внимательно следил за тем, чтобы рюмки постоянно наполнялись и опорожнялись. Призвал каждую рассказать о себе.

В результате этого вечера, когда я его потом просмотрел запись на трезвую голову, подытожил собранный видеоматериал и свел все вместе, то получилась вот такая таблица:

1	Сестра-1	Татьяна	Телохранитель	русская
2	Сестра-2	Наталья	Телохранитель	русская
3	Сестра-3	Марина	Телохранитель	русская
4	Хозяйка	Ганна	Сержант	немка
5	Водитель-1	Холли	Гранатометчик	американка
6	Водитель-2	Барбара	Пулеметчик	американка
7	Повар	Сара	Подрывник	еврейка
8	Официант	Жизель	Аквалангист	француженка
9	Горничная	Джуна	Снайпер	грузинка
10	Банщица	Адель	Радист	англичанка
11	Массажист	Така	Летчик	японка
12	Санитарка	Захра	Зенитчик	негритянка

На трезвую голову я сначала сам офигел и струхнул от всего, что узнал так быстро об отряде. Да, на самом деле стало понятно, что это был на скорую руку сформированный очень сильный Отряд для пока еще неясной для меня цели. Только ли для охраны моей особы? – не смешите мои тапочки, – кто я такой для этого?!. Я, конечно, потом еще буду раскручивать каждую девушку на информацию, копаться в сетях и местных базах данных, но и полученная «точечная» информация уже много говорила, что готовят их (нас) к чему-то очень серьезному. Но никто из них (нас), кажется, о конечной цели не знает ничего, как и я. Вот интересно, я в этой группе причина, следствие, программист или проводник?

Когда объем и градус принимаемых напитков стал достаточным, я втихую включил отопление на полную мощность, – и девушки вслед за мной стали раздеваться. Сначала просто распахивать ворота и рубашки. Потом, с завистью глядя на мой голый торс, стали группами и поодиночке инстинктивно рваться к шесту для стриптиза, который я установил не зря еще до начала вечеринки, и когда тоже не без подвоха объявил конкурс на самый короткий танец у шеста, и взял в руки секундомер. – Одеваться снова после очередного «зажигательного» танца никто не спешил, а потом вообще дружно забыли об этом ненужном в узком кругу атавизме человеческого общества.

Потом я предложил из темного «мерцающего» зала выбраться «на свет божий» к бассейну под угасающий уже, но еще приятный солнечный свет сквозь стеклянные крышу и стены плавательного комплекса. В надежде, что никто сегодня не утонет, перетащили туда и установили там подиум с шестом и направили на него прожектор. Поташили они туда же и гимнастический мат. Ну, а вместо стойки бара просто притащили ящики с напитками и коробки со стаканами, поставили их между лежанок и шезлонгов... Оказывается, в некоторых ситуациях и состояниях стойка бара может быть совершенно не нужна.

В общем, и в частном, день и вечер прошли незаметно и великолепно. Представьте себе, как красиво на фоне закатного или ночного неба на краю мерцающего голубишной подсветки бассейна на шесте под медленный блюз танцует девушка (или сразу несколько девушек) в бикини в свете прожектора... Я и сам не ожидал, что так здорово получится! Она – то замирает

на краю бассейна, то бешено вращается на шесте во всех позах и положениях, то с последними аккордами музыки уходит практически без всплеска под воду...

Выяснилось, зачем был нужен гимнастический мат. Девчонки, лежа на животе, играли в армрестлинг, а потом просто боролись. Сначала изображали обычную борьбу, а потом стали спорить и делать ставки, – и боролись то с завязанными глазами, то с завязанными руками или ногами. Кто-то боролся друг с другом связанными за пояс или ногу. Разные, оказывается, есть варианты пьяной женской борьбы!...

Танцевали медленные и быстрые танцы вокруг бассейна мы уже в чем мать родила. Да и что нам стесняться? Кого? Конкретного запрета, как они сказали, в контракте на такие случаи не было, мораль наша ничего не понимала от выпитого, и ничего не шептала совесть, непонимание настоящего и опасения будущего требовали не упустить сегодня то, что может оказаться недоступным завтра...

Купание, алкоголь, танцы, борьба, хохот, брызги, шест, гимнастический мат... Сначала мне стало просто всё равно, какая играет музыка, потом пропало желание пить что-либо, потом я решил и не смог сам подняться в спальню и попросил помощи отвести меня туда...

Словом, я проснулся очень рано утром, – еще в темноте, – опять с теми же физиологическими желаниями, в той же позе на спине, в той же комплектации, как и накануне утром, но не с сестрами, а с водителями-американками. И, конечно же, неизменно с Сестрой в кресле со смартфоном в руках. К Сестре я начинаю привыкать, как к собственной тени. Сестра-сиделка, как в больнице и положено, была на посту, – вот и всё! Одета в форму, свеженькая. Подняла на меня глаза, улыбнулась, помахала мне рукой.

Когда я спустился на первый этаж, то водители даже не проснулись. Около бассейна никого не было, и следов вчерашней попойки по дому тоже не было, если не считать горы пустых бутылок, пакетов и банок в контейнере для мусора. Походил по пустому дому без цели некоторое время, – и ушел опять в постель... И, втискиваясь вновь в серединку, между девушками, вспомнил почему-то, что американки тоже сестры-двойники... Улыбнулся – и задремал.

Дневник. Год первый. День тридцать второй.

Господь, Люблю Тебя, Спасибо Тебе, Нуждаюсь в Тебе, Приди Сейчас в Мое Сердце!

От истории этого Острова осталось очень мало. По крайней мере, мне не удалось найти практически ничего ни в инете, ни в электронных архивах мира. Кроме, пожалуй, отдельных легенд или сказаний в архивах самого Острова. При чем, в бумажном варианте, а не в электронном...

Я попробую рассказать совокупную информацию из этих легенд, и прошу не смеяться, т.к. сама себя постоянно ловлю на том, что вспоминая эту информацию, начинаю мыслить и говорить на языке сказок и былин.

В них говорится о добром правителе какой-то страны, который правил по чести и совести своими подданными. К сожалению, его правление совпало со временем ядерной угрозы и потому ядерной истерии на Земле. Все государства спешно вооружались ядерным и водородным оружием, ракетами, разрабатывали химическое и биологическое оружие и складировали его в своих военных арсеналах.

Правителю все это очень не нравилось, тем более что страна его была маленькая, – шансов, что их «съедят», было очень много, – или не заметят как раздавят в междоусобной драке, – но денег у него было много. К тому же мало кому было известно не только его финансовое состояние, но и хорошо развитое в его стране подпольное производство, наука, техника и пр. Неизвестности Правителю удалось добиться в те годы потому, что еще не было тотальной космической разведки, подглядывания, наблюдения, – называй, как хочешь.

Благосостояние народа в годы правления Правителя выросло, недовольными были только те, кому Правитель не давал много воровать, совершать преступления, – словом, были силы и в оппозиции. Они всегда внимательно следили и ждали своего часа.

Опасаясь за свой народ, Правитель купил целый архипелаг островов далеко в океане, и стал его благоустраивать. По его задумке на этом клочке суши должны были поселиться его подданные в безопасности вдали от надвигающихся военных проблем во всем мире.

Он построил здесь целую подземную страну, начинил ее всевозможными удобствами, электроникой, запасами. Создал защиту из современных вооружений. Накопил много новинок техники, вооружений, создал огромные запасы продовольствия, различных припасов, – словом, можно сказать, что поселившиеся здесь люди могли пережить несколько тысячелетий после ядерной войны. Не сказать, что безбедно, но мог сохраниться целый народ.

Ну, например, на базе найденного здесь же нефтяного месторождения было построено целое нефтеперерабатывающее производство: газ, бензин, косметика, масла, дизельное топливо, различные материалы и изделия, в которых я не понимаю ничего, – знаю только, что из них делают пищу, ткани, резину и много-много еще. Потому я и не знаю забот при трате бензина для самолетов, лодок, мотоциклов, танков и пр.

На нескольких островах были построены очень глубоко под землей очень мощные атомные электростанции с большим запасом ядерного топлива. На случай повреждения одной или нескольких из них. В любом случае Город без электричества не остался бы многие тысячи лет даже с одной-двумя станциями, – и Город, и производство, и оружие. Они все стоят в резервном состоянии, – как и все предприятия, – поддерживается только их обеспечение в холостом режиме.

Для мирного настоящего времени, чтобы не включать ядерные генераторы энергии ради нескольких киловатт или даже мегаватт электроэнергии, были построены большое количество

ветрогенераторов, волногенераторов, солнечных батарей, – словом, различных альтернативных и безвредных источников дешевой электроэнергии.

Стоят очень мощные защищенные установки для добычи воды со сверхглубоких скважин, опреснители морской воды, улавливатели влаги из воздуха. Есть возможность конденсировать проходящие мимо Острова облака.

Имея нефтепереработку, большой объем добываемых в процессе строительства материалов и минералов, неограниченную электроэнергию, было бы грех не развивать местно много различных производств: здесь и цемент, и электроника, и текстиль, и защитные материалы. Особенно те, которые используются в строительстве Города, – чтобы не возить из-за океана. Даже печатные платы для компьютеров и др. электроники.

И поверь мне, это все было очень интересно организовано: море автоматике, все производство может обходиться с 1-2 операторами или вообще переходить на автоматический режим. Все упрятано в недра островов. Все имеет свои защитные комплексы, системы связи, прямые и резервные линии связи с центром и управления.

Особое внимание было уделено защите архипелага. Здесь есть все: ядерное, биологическое и химическое оружие. Но это для защиты от всех внешних врагов, для отпора на очень большом расстоянии, для сдерживания их на «дальних рубежах». Для их доставки были построены шахты межконтинентальных ракет, имеются мобильные установки ракет для старта с кораблей, яхт, автомобилей. И куплены, и снаряжены все ракеты соответствующих калибров и дальности. Есть крылатые ракеты, есть многоступенчатые, еще какие-то.

Сам Остров был одет в броню в самом натуральном смысле слова. Все наружные сооружения, – а их очень немного, – могут в очень короткое время прятаться под землю или одеваться в бронебронные листы. Вместо них из-под земли выдвигается оружие: стволы пушек, ракеты, зенитки, радары... В принципе, все это работает и в подземном состоянии, и приоткрывается только для пуска или выстрела.

Аналогично организована защита от космических, воздушных, наводных, подводных и даже подземных попыток проникновения на остров. А также при попытках доставить на Остров любое оружие: ядерное, химическое, биологическое, – и вообще любые ракеты, катера, самолеты, спутники... Словом, долго все рассказывать. Это очень совершенная система, – я на себе прочувствовала.

Имеется целая система геостационарных спутников как мирного (связь, ТВ, радио, Интернет и пр.), так и военного назначения (наведение оружия, высокоточное определение местоположения, слежение, космическая разведка, лазерные и др. установки для отражения возможного ракетного удара). Эти же спутники незаметно и очень гармонично интегрированы в системы имеющихся межгосударственных спутников того же назначения, являются частью этих систем.

У Правителя были жена, взрослый сын, маленькая дочь, и 3 друга, которые помогали ему во всех делах. Один из них заведовал всей системой безопасности Правителя и его семьи, другой строительством Острова (точнее Города), третий его снабжением.

Недрузгам это все очень не нравилось, т.к. проходило мимо «их кармана». Они начали искусственно вызывать недовольство в народных массах, подталкивать народ к революции, к войне, к свержению правительства.

Все больше и больше сил у Правителя уходило на строительство Острова. Осложнялось все это тем, что строительство проходило очень далеко от его страны. И это надо было проводить втайне от всех, даже от своих сограждан. Особенно от своих сограждан!

А враги всегда были рядом... И начали действовать.

Первым погиб друг, занимавшийся безопасностью. От его тела просто ничего не осталось после взрыва. Долго ходило предположение о том, что его вообще не было на месте взрыва, – но потом... Словом, были найдены его останки, точнее, – прости, – фарш из его плоти.

Потом погиб друг, занимавшийся поставками всего необходимого на Остров. (Я всегда продолжаю говорить Остров, – но подразумеваю, что это Архипелаг!) Погиб вместе со всей своей семьей. Они горели заживо в подземном военном каземате, который считался безопасным, куда он спрятал свою семью. С ними сохранялась радиосвязь до последней минуты, и никто не мог к ним пробраться и помочь. Это длилось не долго, но свидетелям показалось это вечностью. Отец говорил, что особенно страшно было слышать крики их детей...

Строительство Острова было закончено за несколько лет до нашего переезда. Всех строителей вывезли, и они с музыкой и радостно ехали к своим семьям, детям. Но в дороге произошла новая катастрофа: во время урагана пропали все корабли. Возможно, виной тому бы ураган, а возможно кто-то заметал следы Острова. Это уже неизвестно.

Отец был далеко от той страны, но занимался электроникой и оружием Острова. Точнее, он программировал все компьютеры: производства, управления, оружия, строительства и пр. Жили на территории СНГ, а тогда СССР. Зарабатывал он хорошо, – Правитель был его покровителем. Потому скоро и за ним началась охота. И за всеми его друзьями, кто хоть как-то мог дать доступ к ключам, паролям, даже просто к семье Правителя.

Памятуя о той страшной трагедии в каземате, отец перевез нас на Остров. Он часто уезжал с Острова. По работе, все чаще возвращался недовольный. Потом однажды вернулся уставший и злой, и сказал матери, что мы остались последними людьми, кому известен этот Остров. Он рассказал, что во дворце произошло столкновение правительственных войск и войск каких-то левых сил. Я не знаю, что такое левые силы, но мать говорит, что это повстанцы. Сказал, что в ходе столкновения погибла вся семья Правителя, погибло и много его врагов. Но не все, видимо...

Забыла сказать, что мой дед заведовал строительством Острова и финансами этого Правителя. У него были все ключи ко всем его счетам, во всех банках. Он очень невзлюбил моего отца за то, что мать его так сильно полюбила. Она должна была выйти замуж за сына Правителя по расчетам деда, а вышла за отца наперекор деду.

Ключи и пароли перешли к отцу, т.к. дед погиб последним из друзей Правителя, – уже после смерти самого Правителя. Остались следы зверских пыток. Но дед ничего не сказал, – ни один доллар со счетов не пропал ни до, ни после его смерти. И до сих пор, контролируя эти счета, я вижу, что там движения нет. Если бы они до них добрались, то деньги были бы уже потрачены или переведены. Конечно, отец изменил все права доступа, все пароли и коды, номера и кучу всего прочего.

Отец долго искал возможных прямых и косвенных наследников Правителя. Не нашел, – сказал, что враги убили всех. И всех пытали перед смертью.

Отец и сам-то был не бедный человек, – у него были свои предприятия в СНГ. Но после путча и отъезда он вынужден был дистанционно продать это все. Деньги оказались просто огромные, – но это песчинка в море в сравнении с капиталом Правителя. Все эти деньги спрятали там же. Отец говорил, что надежно, что информация о его капитале не просочится, как и информация об Острове.

И вот теперь я наследница этих двух людей.

Отец и создал тогда сам эти браслеты. Вернее он начал их создавать для Правителя, но тот не успел их даже примерить. Сами браслеты представляют собой очень сложное электронное устройство, прикованное к моему левому предплечью электронным замком. Расстегнуть его можно только в том случае, если мое сердце не будет биться более двух суток, – тогда браслет расстегнется автоматически. Даже если мою руку отрубить, – он не расстегнется. Более того,

во всех подобных случаях браслет самоуничтожится, – взорвется и сгорит, – он в основном с пластиковой начинкой. Это для того, чтобы коды и координаты не попали в чужие руки.

Браслет не дает мне потеряться ни в Городе, ни на островах, ни в любой стране мира. Он достаточно тонкий, не занимает все предплечье. Неудобство только в том, что приходилось бы в толпе носить длинные рукава, – он имеет непривычный вид. Я смотрела фильм «Хищник», то там такого типа браслет был у иноземного монстра. Браслет связывается с соответствующей системой спутников, отслеживает местонахождение, позиционируется для навигации. С ним мне не надо иметь телефонов, раций и пр., – все средства связи у меня на руке. В него встроена очень сложная компьютерная система для управления Островом, спутниками, оружием... Он связывает меня с моими компьютерами через спутники в любой точке Земли. Это если я вырвусь с Острова, если доживу до этого.

Браслет отца пришел ко мне в посылке в застегнутом положении, – и это уже я его расстегнула. После этого управление Островом и всем на нем перешло на мой браслет. Я до сих пор не понимаю, как его сняли с руки! Не повредив, не уничтожив, – если отец погиб, то он должен был быть расстегнут. Если жив, – то он не должен был бы сниматься вообще вне Острова.

Думаю, что погиб. Мать только увидела этот браслет, – и вошла в кому. Мне пришлось вступить в права и обязанности в 9 лет.

А теперь я одна. Рядом мать, но она создана для дома, кухни, церкви, семьи, детей. Она ничего не понимает в том, что я ей говорю об этих делах, компьютерах, оружии, интернете, – буквально засыпает при моем рассказе.

Я долгое время надеялась, что вылечу мать и вырвусь с этого Острова. Но, вот... Теперь я пленница своего острова, своего богатства, своего же оружия, компьютеров, лодок, самолетов, пушек, ракет... Своих заводов, подземного Города...

Раз отец погиб, – иначе за столько лет он бы здесь обязательно появился, – я хочу отомстить.

Если не погиб, – обязательно найти его. Тогда встает вопрос, что с ним на самом деле случилось. И где же он, что с ним.

Помочь в этом мне пока может только 1 человек, как и с матерью, – ВАА. А он как в рот воды набрал.

ЧТО ДЕЛАТЬ? – не знаю.

Олег. Клиника. 013. Первое задание.

ВСЁ! Теперь всё! Я готов!...

Я и отдохнул, и настроился на работу. Как бы я ни не хотел, но за такие деньги, что я уже положил на свой счет, надо работать. Это вам не рублевая наличность на «изподкрановку».

Проснулся я от того, что Официант принесла мне завтрак, а Горничная откинула занавес, открыла форточку для проветривания, – думаю, что в воздухе стоял густой выхлоп от дыхания четырех людей.

В комнате уже никого не было. Я не услышал, как все сбежали. Да и зачем мне...

Я позавтракал и поехал в Клинику. Я не знал, во сколько начало рабочего дня в этом заведении, но и не спешил. В нормальных учреждениях по всему миру люди работают в среднем с 09-00, – вот к этому времени я и пошел. Вместе с Сестрой я поехал на легком джипе.

Сначала меня осмотрел хирург. Предложил физиопроцедуры, – если у меня будет на это время от предстоящей мне работы. Раны у него не вызвали никаких эмоций, – если он может иметь и выражать эмоции, – потому перевязка прошла быстро и штатно, если можно так сказать.

Потом меня препроводили в приемную. Секретарь проводила меня в кабинет, где уже собрались несколько человек, но Лейлы не было. Мне их представили: Юрист, Финансист, Менеджер, Инспектор, Хозяйка. Последний персонаж меня несколько удивил, но я не подал виду.

Первым стал говорить Инспектор. Суть его рассказа заключалась в том, что, как сотрудник корпорации «Тень», я подпадаю под следующие проблемы:

1. Неразглашение никаких сведений о корпорации, включая корпорацию, Клинику, Отряд, Дом. О чем с меня будет отдельно взята подписка.

2. Юридическая защита специалистами корпорации, о чем будет сейчас подписан ряд документов.

3. Физическая защита меня от внешних и внутренних проявлений. Об этом позаботится Отряд. Моё право руководить Отрядом, но в определенных рамках, – за организацию собственноручно защиты и за армейские действия отвечают другие люди, – кивок в сторону Хозяйки.

4. Психологическая защита, полным руководством которой руководит Лейла Ибрагимовна.

5. Медицинская защита, – полностью организуется Клиникой.

6. Полное довольствие: финансовое, пищевое, амуниция, оружие, средства передвижения, – по меркам проводимых мероприятий.

Всестороннее обсуждение со мной многих вопросов протекало достаточно долго.

Документы по неразглашению я подписал сразу.

Юрист получил от меня доверенность и подписи для иска ресторану на сумму полтора миллиона долларов. В договор входили строки, что эта сумма будет мне перечислена сразу после подписания этих бумаг обеими сторонами: мной и Клиникой.

Со мной был заключен договор от имени Клиники о сотрудничестве на год в счет оплаты, ранее произведенной на мой счет. С меня была взята расписка, что деньги я получил. Договор включал все ранее озвученные вопросы и еще ряд других. Руководитель клиники являлась и руководителем всех проектов, в которых мне придется участвовать.

После подготовки и подписания мной этих документов в зал была приглашена Лейла Ибрагимовна, которая подписала эти бумаги тоже.

Свита ушла. Мы с Лейлой сидели друг против друга, и нас разделял только неширокий стол. Я смотрел на внешне очень молоденькую женщину и думал о том, какое задание ждет меня первым.

– Олег. Согласно заключенному договору Вы будете выполнять все задания, которые мне надо.

– Я это понял. Но пока не знаю, в чем они будут заключаться.

– У меня к Вам есть первая просьба, – наконец-то произнесла Лейла. – И первый экзамен.

– Я весь во внимании. И в Вашем распоряжении.

– Эта клиника и корпорации имеют единую информационную сеть. Меня и руководство уверили, что эта сеть не может быть взломана. Нам надо удостовериться, что это так. Вы получите необходимые материалы, оборудование, помощников, данные в пределах разумного, как если бы вас наняли для ее взлома со стороны.

– Какими средствами – это я понял. Атака должна быть со стороны или извне?

– Отовсюду. Включая все виды атак вирусов, несанкционированных подключений, вскрытия секретных узлов, подключения к каналам внешней связи и пр.

– Ну, ломать не строить... Если придется уничтожить часть атакуемой техники, кто будет оплачивать нанесенный урон?

– В разумных пределах можно списать через корпорацию. Это не значит, что надо завалить всю сеть. Нас интересует несанкционированное получение из нашей сети любой информации, отслеживание в нашей сети любых процессов: от перемещения людей до течения экспериментов.

– Мне понадобится кто-то, кто познакомит меня подробно со многими техническими вопросами.

– Конечно, такой человек к Вам уже прикомандирован.

– Где я должен размещаться во время работы?

– Как Вам будет удобно. Можете всё делать в своем кабинете в Доме. Можете расположиться в своем кабинете в вычислительном центре в Клинике, – такой Вам уже тоже выделен. Оба они будут обустроены и оборудованы согласно Вашим требованиям.

– Время работы оговаривается?

– Ничуть. Я в курсе, что компьютерщики очень специфические личности, и любят работать ночами. Вот и работайте так, как Вам удобно. Команда для вашей технической поддержки присоединится в любое время.

– Т.е. я в работе ничем не ограничен? А какие сроки выполнения задачи?

– Вам хватит недели?

– Пока не знаю. Я еще ничего не знаю о собственно сети. Давайте договоримся так: мы с Вами встречаемся через неделю, и совместно обсуждаем достигнутое, – и планы на будущее.

– Согласна.

– Каковы критерии выполнения этого задания?

– Даже и не знаю, как сказать... Вам предлагается вытащить из недр наших баз данных, личных дел или любых других документов и секретов и представить мне некоторые данные, которые на Ваш взгляд более всего интересны или более всего, – тоже на Ваш взгляд, – охранялись в этих недрах.

– Пойди туда, не знаю куда, – принеси то, не знаю что? Так что ли?

– Ну, пусть так. Если Вы не поняли, что ... Слушай, давай на «ТЫ»! А то как-то так получается, что ...

– ... такая молодая женщина, – продолжил я за нее и улыбнулся, – разговаривает с симпатичным молодым мужчиной и старается выглядеть старше, чем она есть?

– Наверно, почти угадал.

– Хорошо, давай на «ТЫ».

– Так вот... Если ТЫ не понял, что уже попал в СКАЗКУ, то я не поверю, что ты выполнишь это задание.

– Пока я вижу не сказку, а вижу только хорошо навороченную молодую даму с богатой внешностью и баснословно богатой фирмой. Так называемая «сказка», – это пока обилие денег и реализованные возможности. Если представить себе, что у тебя на уме есть какие-то нереализованные цели, то я как раз тот ключик, который ты покупаешь сегодня и вводишь в эксплуатацию... – я сцепил руки на груди.

– Частично ты прав...

– Я не договорил. Скорее всего, это или наследованное имущество и интересы, или ты являешься красивой бабочкой на лацкане пиджака какого-то или каких-то владельцев, кто нанял тебя, чтобы ты наняла меня.

– Тебя что-то не устраивает?

– Да мне всё равно, кто первые наниматели, а кто субподрядчик. Важно то, сколько денег мне перечислят на счет. Кстати, сегодняшние суммы мне уже отправлены?

– Можешь проверить. Уже на счету. Так что умерь свою резкость...

– ...А я и не резок. Просто я говорю то, что я думаю, и не хочу оказаться проигрышной одноразовой фигурой в партии, которую твои друзья, наблюдающие нас сейчас, скоро оценят на более высокие ступени риска и оплаты труда.

– Ты не доволен ставками за работу? Но ты еще ничего не сделал.

– Я доволен первым этапом наших отношений. И только я могу предполагать, чем наши деловые и личные отношения продолжатся и закончатся.

– Ладно, о первом задании мы договоримся так. Пусть будут представлены моё личное дело и информация об основателях Клиники. Плюс что-то из финансовых бумаг. Что-то о клиентах Клиники. И что сам придумаешь... Срок – сам напросился: НЕДЕЛЯ.

– Что меня ждет еще, после этого задания?

– Давай поговорим об этом через неделю. Работай спокойно.

– Какая задача будет у Отряда на это время, раз уж я его руководитель?

– Собственная охрана. Остальное на твое усмотрение.

– Какие у меня будут ограничения по передвижениям по территории и вообще?...

– В пределах разумного. Ты же находишься под подпиской о невыезде. Потому покидать город не можешь. Территория вся в твоем распоряжении, – она улыбнулась и, вдруг, потянулась, как бы давая мне неформальный сигнал об окончании официального разговора. – Кстати, у меня есть к тебе личная просьба.

– Я слушаю.

– Я как психиатр очень заинтересована в том, чтобы получить и проанализировать твои прошлые сны. Предполагаю, что в результате этих изучений я смогу перевернуть мир новым пониманием процессов раздвоения личности.

– Что с меня?

– Я хотела бы получить как можно больше рисунков по мотивам этих снов. Хорошо бы в красках... С одной стороны я люблю кустарную живопись, и хотела бы начать собирать коллекцию рисунков своих пациентов, а с другой стороны – это может быть частью моей диссертации. Договоримся?

– Конечно, договоримся. Вот только я последнее время перестал видеть сны или вспоминать их утром. Но я не отказываюсь, и если увижу новые...

– ... Меня интересуют не только новые, но и старые сны, – перебила меня Лейла. – Я потеряла часть прошлых рисунков, – санитарка реанимации умудрилась их куда-то задевать, – и хотела бы их восстановить. Например, ты рисовал карту. Сможешь повторить? И расширить коллекцию рисунков различных объектов сна с разных ракурсов?

– Я, конечно, постараюсь... Но я не художник... В пределах разумного, как я уже слышал от тебя, – я тоже попытался улыбнуться, хотя и криво. Вот ведь дались ей эти рисунки!... Я отлично помнил значительно больше, чем я нарисовал, – просто не хотелось к этой теме возвращаться.

– Договорились. Тогда приступай.

– До свидания.

Сестра ждала меня в приемной, водитель в машине, но мне пришлось сначала пройти в вычислительный центр и написать списки того, что мне надо. Потом я приехал в Дом и, не раздеваясь, бросился лицом вниз на кровать.

Да, я с непривычки общения с юристами устал от этого. Я окунался в свою знакомую среду, – программирования, – и это хорошо. Но меня очень насторожил интерес Лейлы к моим снам. Значит, она не оставила эту мысль. Возможно, что это и есть ее приоритетная цель, которую не хотят мне открыто оглашать. Просто мне не верится, что для того, чтобы взломать свою собственную сеть, надо организовывать мне такую беспрецедентную толи охрану от внешних проблем, толи охрану от побега. Что-то у нее не вяжется...

Ну да ладно. Разберемся.

– Сестра, а где вы здесь восстанавливаете физическую форму? – я увидел вопросительный взгляд. – Ну, физкультурой где занимаетесь?...

Отряд. Личное дело. Олег. 001.

Олег похоронил отца и мать сам, без посторонней помощи, хотя много людей предлагали ему помощь. Родители вылетели с дороги на повороте и вместе с машиной упали с обрыва. Тот факт, что тормозного следа не было и в помине, говорил о том, что виной всему были тормоза. Что на самом деле произошло, никто не знал, а если и знал, то рассказать ему не торопился. Он стоял в толпе своих и их сослуживцев и сильнее обычного осознавал, что остался совсем один.

Прадед, как рассказывал отец, был толи военным шифровальщиком, толи каким-то дешифровщиком в генеральном штабе. Олег в детстве этого не понимал, хотя в памяти эти рассказы у него остались. В «далекой памяти», почти на задворках... Скорее голос отца, чем что-то очень конкретное. Дед работал над каким-то государственным проектом, который не предполагал болтовни. Да и не было болтунов в семье военных, потомком которых он был. Женщины были скромные, лишних вопросов не задавали. Если было надо ехать в командировки, – спокойно собирали в дорогу своих мужей: портянки, белье, еду. Если надо было переезжать на новое место службы, – точно так же спокойно упаковывали вещи и следовали со своими мужьями.

Отец как-то сразу принял эту новую эру – компьютерную. Первые вычислительные системы, – на базе простых по нынешним временам программируемых калькуляторов, – были у них в семье, и Олег с упоением сначала вводил в них чужие программы, потом сам начал писать программы. Где-то в то же время отец водил его показать «чудо инженерной мысли», которое занимало целый этаж, – компьютер. Их еще не охраняли, как что-то очень ценное, – да и кто сможет вынести компьютер, который расположен в нескольких комнатах в больших многостворчатых шкафах?...

Потом игровые приставки с включением в их работу телевизора, магнитофона, – и первые «марсиане» лихо сыпались на наши пушки, и их приходилось «косить» и «косить»... Первые персоналки, – зарубежные, – не предполагали даже ремонта, – их платы были залиты черной смолой, и отделить плату от нее без повреждения платы было невозможно. Да что говорить про персоналки? Олег с друзьями разобрал импортную магнитолу тех времен... Из нее во все стороны по комнате выстрелили подпружиненные детальки приблизительно одинаковой формы. Получился комплект: плата отдельно с большим количеством гнезд, и много-много деталек, которые никто не знает в какой последовательности и в какие гнезда вставлять. Ну и куча пружинок... Схем и руководства сборки, конечно же, не было. Отец, как и все они, молодые люди постсоветской эпохи, надеялся, что вот, скоро, выпустят и завалят полки магазинов нормальными собственными компьютерами: для детей, для взрослых, для работы и игры... Но их всё не было и не было...

Олег рос уже на более похожих на современные машины. На сегодняшний день мощность самой простой мобилки на несколько порядков превышает мощности и возможности тех вычислительных систем, с которыми пришлось встречаться в своей истории Олегу. Больше всего его нервировали игрушки и программы, за которые было надо платить почасово или поштучно, покупать время игры. Появились первые победы по взлому сначала игр, потом других программ.

После обучения в радиоэлектронном колледже, потом в институте электроники, – стало понятно, что ничему путному в этих вузах преподавать даже и не могут. Преподаватели рассказывали азы логики, решали простейшие логические уравнения мелом на доске, – и на этом курс программирования заканчивался. Удивлялись, что у Олега дома есть компьютер. Преподавали по учебникам «докомпьютерного» периода, а новых знаний не было, – даже компью-

теры многие из них в то время знали только по рисункам в учебнике. Упор делался на цифровые станки, но ему это было неинтересно.

Настоящей школой стало общение на форумах, часто организованных от имени разных фирм – производителей техники, – в залах старых ДК и даже на стадионах. Там же он познакомился и подружился с «фидошниками», – неформальными сетевиками. Одетые в грязные джинсы и несвежие свитера, провонявшиеся дешевыми сигаретами и пивом, – они создавали новую среду общения. ДОС, Винда, Линукс, – обсуждались на форумах, в чатах, на пивных собраниях.

Обидно было то, как ответил в одном из публичных электронных форумов один американец:

– Мы ушли от Советов вперед по развитию вычислительной техники на сто лет, – написал он.

– Но мы имеем образцы вашей техники и можем ее исследовать, скопировать, – ответил на это Олег.

– Исследуйте, на здоровье. Пока вы всё поймете и до всего докопаетесь, мы уйдем еще на 200 лет вперед! – издевался американец.

– Так на сколько же, как вы оцениваете, мы отстали от вас в этом направлении? Когда мы сможем вас догнать?

– Отстали навсегда. И никогда уже не догоните.

И это, похоже, было правдой...

Потом, по окончании института его забрали в армию. По его просьбе его распределили по специальности в радиотехнические войска. Дальнейшую свою историю Олег, обычно, мало кому рассказывал, – не интересно, да и нельзя.

Из армии после срочной службы он не уволился, а приехал домой позднее в погонах старшего лейтенанта и попал работать в закрытое государственное учреждение, где скоро получил звание капитана и медаль. Говорил, что за какое-то рационализаторское предложение. Ушел со службы неожиданно, сразу после какого-то катаклизма с вторжением в компьютеры Пентагона и каких-то банков США, – и несанкционированным запуском нескольких крылатых ракет. Точнее не ушел, – а вылетел с треском с «волчьим билетом», после которого его место было регламентировано исключительно офисным «планктоном» в самых дальних уголках фирм на периферии. Он и устроился таким «планктоном». Пока не встретил Её! Пока не подошел к окну ресторана, выпив предварительно купленную в киоске «изподкрановку» на последние деньги....

«ПОТОМСТВЕННЫЙ ХАКЕР», – так назвала его Лейла в своем отчете вышестоящему руководству «Тени». Одаренный, беспринципный, без тормозов и «царя» в голове, – сказала она на обсуждении его кандидатуры на закрытом совещании.

Теперь он сидел перед Лейлой и слушал подробный список своих реальных и приписанных ему «достижений» на государственном поприще, а потом еще и реальные достижения своих отца и дедов. И спокойно обдумывал свое сложившееся положение.

Сам Олег даже не знал, – с ее слов узнал впервые, – что его предки были причастны к криптошифрованию и созданию нескольких новых операционных систем, о которых никто никогда не слышал. Сохранились какие-то обрывки программного кода ранних разработок отца, но они не давали ключа к его дальнейшим разработкам. Олег слышал и читал и раньше, что помимо двоичной системы счисления были попытки создать системы, основанные на троичном, восьмиричном, десятиричном, шестнадцатиричном и т.д. счисления. Это счисление было чересчур сложным для зарождающихся в то время компьютеров, потому для упрощения изначально стали пользоваться двоичным кодом. Так на этой системе счисления и останови-

лись, – куда же теперь без нее денется столь громоздкая корпорация со своей Windows? И IBM со своими единственными в мире силиконовыми кристаллами процессоров. Они же в угоду своим финансовым интересам не дадут развиваться никаким другим системам! Как не дают нефтяные короли развиваться электромашиностроению и альтернативным видам топлива.

Мало кто знал даже в правительстве, что именно под такие сложные – тяжелые – системы счисления и коды в странах СНГ изначально создавался такой процессор, – это было одной из самых страшных тайн СНГ того времени. Тот процессор работал на совершенно других принципах логики, на других кристаллах. Практически нам сейчас невозможно себе представить, что кроме «и», «или» и «не» могут быть еще 8, 14 или более основных элементов логики! В основу нового процессора было взято условие, что любая операционная система, любая программа, – это только по-своему упорядоченные импульсы разного количества граней нескольких кристаллов процессора. Никто не знает, до какой степени готовности довели соответствующие разработки – процессор и операционные системы – и была ли достигнута от этих разработок достаточная отдача. Но живые носители этих тайн вдруг стали просто погибать при невыясненных до конца обстоятельствах, в автокатастрофах или от скоротечных «инфарктов молодого возраста». Возможно потому, что великое государство предпочитало скорее расстаться со своими «носителями», которых можно было подкупить или запугать, чем поступиться своими тайнами. Даже на том уровне, что вместе с «носителями» погибнет и сама тайна, – но никому не достанется. Возможно, это была как раз та самая война конкурирующих фирм и технологий Востока и Запада, – никто не знает.

Олег не стал отрицать факты своей службы в «конторе» от Лейлы, – «Тень» все равно уже докопалась до его участия во взломе компьютеров Пентагона, несанкционированного вывода довольно больших сумм из банков по всему миру в пользу «конторы» и еще целому ряду событий его жизни. Об инкриминированных ему обвинениях прошлого руководства в пропаже тех выведенных средств, – просто испарились в неизвестном направлении. О пропаже состава с дорогостоящей техникой, о которой Олег на самом деле ничего не мог знать. Ему тогда сказали «в конторе», что, в отличие от деда и отца, он не участвовал в секретных разработках, потому его только выгоняют, а не расстреливают. Ему на 10 лет запретили выезд за границу, – и выгнали...

Олег даже не был удивлен, что эти все данные были известны «Тени», – ведь по его понятиям все личные дела сотрудников такой «конторы» должны были храниться в таких «недрах», что страшно подумать. Но всегда существовало и существует противоборство разведки и контрразведки. Всегда и везде были и есть продажные чиновники, военные и кадровики. И если есть на это спрос – будет и предложение. Для себя еще с начала своей собственной службы в «радиоэлектронных» войсках он принял как аксиому, что самое дорогое: фото, бумаги, информация, факты, собственные понятия, взгляды на жизнь и пр. – должны храниться внутри себя, а не на бумаге или электронных носителях. Вот и теперь стали достоянием чужой разведки именно те бумажные и электронные носители, которые он старался никогда с собой не носить.

Предъявленные ему Лейлой сведения не имели криминального подтекста, – они все были из его личного дела, и представляли только информацию о том, когда, где и чем ему приходилось заниматься «под крышей» государственного предприятия. Но эта информация характеризовала его, как индивидуума, способного заниматься этой деятельностью и выполнять подобные заказы.

Однако Лейла продолжила и дальше чтение разложенных перед ней бумаг, – от продолжения Олегу стало несколько неудобно.

Счета в нейтральных странах, куда в конечном итоге попали деньги, выведенные из британского и американского банков, она указала точно, – и ему это изначально не понравилось.

Потом она рассказала, куда делся целый правительственный эшелон техники. Олег, конечно, предполагал его конечный маршрут, но не думал, что эти идиоты-соотечественники так будут видны со стороны. Пусть даже и со стороны конкурентов. Хотя его задачей было только подчистить электронные следы от всех операций. Она также зачитала список «портов» и «дыр» в системе защиты, через которые удалось пробиться в крылатые ракеты, секретно размещенные в Греции, и перепрограммировать их. Назвала несколько неудачных атак, – официально не достигших поставленных целей, и потому официально неизвестных, но... Кое-что еще... Словом, известно было много больше, чем обычно пишут в самом откровенном резюме. Забыла или не знала о взломанных сайтах, системах слежения, базах данных, – или посчитала это просто «мелочевкой»?... Может, не до всего докопались? – Было бы грустно, если бы не было так смешно, – и если просто забыли сказать... Каждое ее – уже криминальное на мировом уровне – обвинение почему-то воспринималось как неправительственная награда, медаль, премия, орден...

В результате такого простого перечисления Олегу стало понятно, почему ему так легко согласились засчитать на счет три миллиона евро еще до начала работы, – «работодатели» просто не были уверены, что вообще его заинтересуют и удержат деньги. Или оценили так его прошлую работу?... Или просто не рассчитывают, что ему удастся уйти от них живым... Надо в следующем договоре перейти на расчеты в триллионах и посмотреть на их реакцию.

Кстати, она не поинтересовалась, куда делись из банка эти деньги... Не заметили? Но это же их банк!... Но он же ничего не знал и не мог знать?... – Это проблема банка?...

Враги-009. Лейла.

Лейла перестала улыбаться сразу же, как Олег закрыл за собой односторонне прозрачную дверь ее кабинета. Все снаружи думали, что дверь ее кабинета изготовлена из мутного природного стекла, – очень редкого и дорогого. Они просчитались! Да, природное стекло. Да дорогое! Очень дорогое! Но никто не знал, что это стекло было покрыто специальным «зеркальным» составом, который делал его односторонним проводником света. Т.е. со стороны приемной – это мутное стекло из дорогого природного минерала неясного цвета и рисунка, а изнутри кабинета при выключении специального генератора поля становилось совершенно прозрачным. И всё и все, что было в приемной, становилось видно ей прямо с ее кресла. Для этого не надо было ни камер, ни мониторов, – хотя они тоже имели место. Об этих свойствах двери не знали никто, кто мог находиться в стенах этого офиса.

Она теперь смотрела вслед этому бывшему ФСБ-шнику, – толи предателю родины, толи просто мошеннику и ловкачу. Никто не сбрасывал со счетов то, что он мог быть хорошо разыгранным и внедренным к ним агентом, – вот только кто мог в «конторе» предусмотреть «изподкрановку» в руках «бывшего» сотрудника? Вообще-то, как можно было разбрасываться спецами такого класса и такого происхождения? Если замечали следы к своим «жировым отложениям», то должны были его просто пустить в расход. Если хотели проучить зарвавшегося «умника», то как могли спустить его так глубоко на дно? А если он «откусил» часть того пирога, который попал в «жировые отложения»? Тогда должны были его водить, как домашнюю болонку, – на коротком поводке. Однако, наблюдатели и аналитики «Тени» ничего в его окружении не нашли.

Вершиной конца его «карьеры» можно считать три (!!!) пули в разные части тела и полное отсутствие интереса к его особе в течение тех недель, которые он провел сначала в реанимации, а потом в отделении. Даже наручники с него сняли... Даже присмотр со стороны полиции не стали продолжать... Списали полностью? Скорее всего, его списали еще тогда, когда его уволили и выбросили на улицу.

Не давала успокоиться мысль, когда-то давно, еще в конце прошлого века, прочитанная в нашумевшей тогда книге «Аквариум» Виктора Суворова: «– Закон у нас простой: вход – рубль, выход – два. Это означает, что вступить в организацию трудно, но выйти из нее – труднее. Теоретически для всех членов организации предусмотрен только один выход из нее – через трубу. Для одних этот выход бывает почетным, для других – позорным, но для всех нас есть только одна труба. Только через нее мы выходим из организации. Вот она, эта труба...» (Для непонятливых, – указывалось на трубу крематория.) «– Труба – это не только наш выход, труба – источник нашей энергии, труба – хранилище наших секретов.»

Если бы Олег был столь важным потомственным сотрудником, то его должны были бы, исходя из политики этой страны, проводить в последний путь в виде дыма из трубы крематория. Если он не имел никакой ценности в их системе, тогда как он мог принять участие в тех операциях, о которых она рассказывала только что Олегу, и выйти не через трубу? Если он несанкционированно «открысил» часть «улова», то он не такой дурак, чтобы об этом узнали его покровители. А если узнали, то через трубу он должен был проходить медленно и по частям. И если он всё же поделил в свою сторону общий улов, то почему не рванул сразу в «теплые страны», а почему-то до сих пор влачил жалкое существование в бедняцкой квартире родителей?...

Эту квартиру спецы Клиники обшарили неоднократно и обстоятельно. Никакого работающего электронного оборудования не нашли. Заподозрили тайник, аккуратно просветили, – но там лежал старый пистолет деда Олега с патронами, – больше не было ни бумаг, ни ценно-

стей. Сам Олег после выписки из больницы побывал в квартире только один раз, но ничего не искал, ничего не проверял, ничего не взял... Он даже не взглянул ни разу лишний раз по сторонам, – за ним внимательно наблюдали «клопы» Клиники. Он грустно смотрел по сторонам, сидел на стуле, перебирал старые диски... Он даже не проверил пистолет, хотя знал о его существовании, т.к. на нем были и его отпечатки пальцев. Он не включал ни компьютер, ни радио, – похоже, что он просто тихо грустил и думал о чем-то семейном. Не переоделся, не взял ничего на память... Имел ли какое-то специальное значение рисунок, который он нарисовал на пыли, накопившейся на зеркале? Криптологи проверили этот рисунок и его части на предмет послания или отчета, – проверять, так проверять, – но ничего путного не обнаружили: просто детский рисунок. Каракули, словом...

В ресторане он ни с кем не встречался: ни в первый раз, ни во второй раз. Наружное наблюдение за ним велось с той самой корпоративной вечеринки, или как это там, у русских называется? Было похоже, что в тот вечер Олег на самом деле сильно страдал, – хотя трудно сказать, какие у него на самом деле были мысли.

Но от того, – первого, – вечера в ресторане осталось СЛИШКОМ МНОГО вопросов: Откуда взялся револьвер? Кто стрелял? Почему убиты именно эти люди? Куда делся револьвер? Почему при столь интенсивной стрельбе охранников были только три попадания? И почему именно в Олега? Ведь ни на одной камере нет данных, что стрелял именно он?

Да и в реанимации вопросов оставалось много: Почему от простых не смертельных и некритических ран он провалялся столько времени в бессознательном состоянии? Какую роль играл в этом состоянии наш новый наркотик? Что он видел в своих снах? Сны ли это были? Что это было? Что на тех рисунках? Неосознанное прошлое или приближающееся будущее?

Кто из нас знает что-то о прошлом и будущем, – даже своем? Кто из нас думает о своем будущем? – Мы живем и всё! Живем, строим планы, мечтаем, – и всё. Ведь будущего ЕЩЕ НЕТ, и думать о нем нереально.

А о прошлом мы помним, но стараемся много не думать. Тем более, о чужом прошлом. Ну, кроме сладостных – на грани грез – моментов, и кроме ярких личных уроков, – мы о прошлом не думаем. Прошлое – УЖЕ не существует, и оно никому уже не нужно. Воспоминания нужны для следователей и врачей, а не для рядового гражданина.

А если человек начинает помнить не свое, а чье-то чужое прошлое? Разве такое возможно? Или он помнит свое прошлое, но, как это принято говорить, прожитое в другом ментальном теле?

Если он описывает – события, обстоятельства, обстановку, факты, – о которых он физически не мог знать ничего! Что это? Как можно получить информацию от давно умерших людей, с давно исчезнувших территорий, о минувших или несостоявшихся событиях? Даже шизофреники и другие больные психиатрических клиник не могут в своем бреде детально и неоднократно нарисовать карту или предметы, которые они никогда не видели!

И воспоминания ли это? Как проверить, что это не «лапша», умело и искусно «повешенная на уши» ей и экспертам? И что это? Воспоминания, бред больного воображения? иллюзии, – или, может быть, необузданный полет фантазии? Но любой из этих терминов не объясняет нарисованной карты и пр.

Я не спорю, что Олег может быть хороший специалист в программировании и взломе, – он себя показывал ранее, уверена, что покажет и теперь. Возможно, он хороший артист, но играть бессознательное состояние, глубокую кому, – или как там еще называется это состояние, – на глазах очень компетентных специалистов-медиков, объяснить мастерством актера нереально.

В магический Информационный Канал Земли (или Информационное Поле Космоса), о котором столько говорили спиритисты, маги, экстрасенсы и другие агитаторы потусторон-

него мира, Лейла не верила. Шарлатанам свое, ученым свое. Но откуда-то же он получил эту информацию!...

Заработали не только любознательность и интерес ученого, но и любопытство женщины. Она **ХОТЕЛА ЭТО ЗНАТЬ**, – и всё! Не для диссертации, не для Клиники или «Тени», – она просто хотела это знать! Для себя.

Олег. Под водой. 006.

... Вперед, Ихтиандр, вперед!... Я продолжил движение вдоль берега...

Я потерял счет времени. Даже, точнее, я его просто не считал. Я плыл, плыл, плыл...

Я двигался вдоль берега, – уже не так быстро, но и не слишком медленно. Я пытался разглядеть подробности строения берега. Надо мне это или не надо, – время покажет. Берег скалистый, крутой, мало разрушенный волнами. Следов обрушений и оползней не видно. Мох есть, но местами размыт. Трудно сказать, чтобы здесь были сильные водные потоки и прибойная волна, – следов не было видно. На высоте нескольких человеческих ростов помимо мха начинались уже трава и какие-то растения.

Стена скал в какой-то момент расступилась на короткое время, и снова сомкнулась... СТОП! Назад... Что это?

Я вернулся назад к тому месту, где почти вертикальные стены скал дали проход куда-то. Я подплыл ближе. Точно! Между скал появился проход, и чем ближе я подплывал к нему, тем шире и шире он становился. Я приблизился и поплыл в проходе между скал. Да! Место достаточно, чтобы пройти крупному судну. Если сверху поставить или выдвинуть балки, то его можно было бы здесь и разгрузить. Но следов каких-либо строений и механизмов видно не было.

Я, поддавшись интуиции, нырнул с поверхности в глубину. Фарватер был глубокий и... Стоп! Что это? Впереди маячили несколько неприметных сетей. Если на поверхности воды ничего не было видно, то в глубине пролива были возведены противолодочные препятствия в большом количестве. Я и не удивлюсь, если помимо нескольких рядов металлических сетей здесь есть и взрывные устройства, и устройства дистанционного поражения: мины направленного действия, торпедные аппараты, еще какие-то сюрпризы. По коже пробежала «холодная волна» страха. А я не попаду в эти ловушки? Обследовать? – А зачем? У меня что же, есть субмарина или батискаф? Да не буду я красться через ячейки сетей, – тем более, что они «сотканы» из таких толстых арматур, что даже трудно поверить, что такие существуют. И ведь не только заварены, но еще и перекручены и связаны между собой, как настоящие рыбацкие сети!...

Я всплыл на поверхность, но, все равно, время от времени погружал лицо в воду и смотрел на преодолеваемые сверху заграждения. Сколько их было? – Не знаю, не считал. Я просто для себя зафиксировал, что они были.

Значит, остров обитаем или был обитаем раньше. И это неоспоримый факт. Зачем мне другие факты? Есть следы разумной деятельности. Есть следы возведения подводных защитных заграждений, – ну не от акул же сотканы такие сети из металла, в которых толщина «проволоки» по диаметру как мое бедро! Значит, здесь можно встретить людей или следы пребывания людей. Мне слабо верится, что это следы пребывания инопланетян! Вот стали бы инопланетяне строить такие сети? Они здесь что же, на века обосновались?

Прошло еще несколько десятков (а может и сотен) метров вглубь пролива, и скалы расступились. Нет, они не расступились полностью, а как бы стали расступаться, открывая новый вид на остров, – изнутри. А внутри открывалась, видимо, лагуна. Даже как актуарий, – как бы устье реки, расширяющееся к морю. А поскольку у меня за спиной осталось, собственно, море, – то это «устье» открывалось всё шире и шире в лагуну.

Глянул опять под воду, – последняя сеть осталась позади, и больше никакие преграды в глубине не были видны. Но мне и не надо было в глубину. Я и с поверхности в лучах утреннего солнца видел, как прекрасна природа на дне этой лагуны: кораллы, растения, разноцветные рыбы разных форм, морские звезды и пр. Мне удалось увидеть вдали, как в воде играли дель-

фины, – их не спутать ни с акулами, ни с другими обитателями вод. А разве кто-то когда-то описывал, как играют акулы между собой или с пловцами в море? Улыбнуло...

Расступившись, стены образовали высокий внутренний берег. Внутренние берега лагуны не были столь крутыми, как со стороны океана. Возможно потому, что их даже скалистая поверхность снаружи подтачивалась и уносилась ветром и волнами, а здесь, в лагуне, ветра и волн не было, относить подточенные частички почвы и скал было некуда и некому, – потому образовывались пологие спуски к воде. В некоторых местах были видны даже природные пляжи у кромки воды.

Берега были затянуты повсеместно густым лесом, – без прогалин и прорех. В воздухе стоял аромат, – ни с чем несравнимый аромат прибрежного дикого леса. Это только в городских парках нет никакого запаха: там аккуратно удаляют все листья и ветки, упавшие на землю, подстригают кусты, спиливают лишние и высохшие ветки, не допускают остатков помета и следов жизнедеятельности животных. Потому городской сад максимум, чем может пахнуть, так это сыростью и запахом цветов, если они там есть.

Лес на самом деле пахнет прелью, гниющими листьями и ветками, пометом птиц и экскрементами животных, запахом цветов и грибов, листьев разных деревьев. Падающие от возраста и времени стволы и ветки попадают и в воду около их основания, и просто на влажную землю, – и остаются там навсегда. В этой свалке и чаще хвороста прячутся птичьи гнезда, норы животных, все старые отмершие и молодые растущие стволы пронизаны ходами разных насекомых... Весь этот комплекс живых и умирающих растений оплетен разными выюющимися травами и лианами. Земля прикрыта многолетними и однолетними травами, которые пересекают сами себя из года в год. Здесь же копошатся кроты, муравьи, термиты, пчелы, кузнечики, сухопутные и водные лягушки, змеи, ящерицы. – Вот было бы здорово здесь погулять...

В воздухе стоял плотный гомон птиц. Вот сколько должно быть в популяции птиц, если они не кричат одновременно, но плотность их общего гомона на протяжении дня такой непрерывный и оглушающий? Возможно, в самом лесу и можно выделить отдельные голоса разных птиц, но над поверхностью воды, учитывая еще и эффект отражения и проведения звука около воды, выделить их было невозможно. Хотя самих птиц в основной массе видно не было. Иногда ближе к берегу было видно, как над поверхностью воды проносились отдельные птичьи тени, и опять исчезали в тени леса.

Я плыл всё дальше и дальше между далеких берегов лагуны. В какой-то момент они еще больше расступились. Где-то далеко в глубине (или в центре) лагуны был виден островок. Возможно, он и не маленький, но в сравнении с окружающими гористыми окаймляющими лагуну берегами, казался на таком расстоянии миниатюрным.

Я ускорил движение и приблизился к острову. Вот ведь каламбур: остров в глубине острова! И от открывшегося вида даже остановил движение...

На островке были видны какие-то строения и небольшая башня, – типа колокольня...

Отряд. Личное дело. Горничная. 001.

Джуна родилась в далеком горном селении в центральной Грузии. Отец был пастухом, почти весь год бродил по горам с овцами своих хозяев, приходил домой и пригонял овец уже со снегом, – и с таянием снега уходил опять в горы. Дома пил грузинские вина, делал новых детей со своей женой, вел долгие разговоры с соседями, пел красивые грузинские песни.

Так бы и длилась их жизнь, как бесконечно длинная и тихая равнинная река, но в горах не бывает равнинных рек, – потому «река» их жизни стала горной: бурной, громкой, грозной.

Джуна поехала в Грозный поступать в Чеченский государственный университет на юридический факультет. Но учеба была прервана. Началась «Первая чеченская кампания» – общепринятое название боевых действий на территории Чечни и приграничных регионов Северного Кавказа между войсками России и непризнанной Чеченской Республикой Ичкерия с целью взятия под контроль территории Чечни, на которой была провозглашена Чеченская Республика Ичкерия. Официально конфликт определялся как «меры по поддержанию конституционного порядка», военные действия назывались «первой чеченской войной», реже «российско-чеченской» или «русско-кавказской войной»

А неофициально от рук обеих воюющих сторон погибало невероятно много мирных жителей. На глазах Джуны гибли ее сокурсницы, – и это был лучший исход для них. Потому что те, кто не были убиты снарядами и минами, подвергались издевательствам, изнасилованиям и голоду. Город был почти стерт с лица земли. В душе девушки вдруг вспыхнул пожар всепоглощающей мести, когда на ее глазах были убиты два ее брата, приехавшие, в тогда еще частично разрушенный город, забрать сестру домой и помочь ей бежать от войны.

И будущая правоохранитель взяла в руку винтовку. Не простую, – мать изнасилованной и убитой подруги протянула ей бельгийскую «ляльку» со сложным оптическим прицелом и большим запасом патронов. Над наскоро выкопанной могилой братьев и подруги, – они были вынуждены похоронить их в одной могиле, – Джуна поклялась отомстить. Трудно сказать теперь, кто был виноват в ее голове в этой всенародной трагедии, и как бы развивались события дальше, но когда на следующий день, когда Джуна принесла воды и еды в подвал, где пряталась мать погибшей подруги... Словом, она вынула из петли холодное и твердое тело женщины и ... впервые зарядила сама ту «бельгийку».

Белые колготки, которые были на ней в тот день, и которые она потом выписывала и покупала за любые деньги, стали, названием целого подразделения, – «Белые колготки», – в котором до конца служили девушки-снайперы из разных республик бывшего СССР. Большая часть из них приехала как наемники: Прибалтика, Россия, Украина, Белоруссия. Было несколько грузинок, азербайджанок, армянок. Девушки достигли высокого мастерства в выполнении заданий, в собственных боевых поисках и охотах. Они творили просто чудеса, – но и невероятные жестокости над своими врагами: ослепляли, отстреливали половые органы, поджигали свои цели, старались нанести такие ранения, чтобы смерть наступила обязательно, – но не скоро, чтобы поверженный враг сам звал эту смерть.

«Белые колготки» – потом стало сленговое название отряда женщин-снайперов, воевавших на стороне антироссийских сил и добровольческих отрядов в зонах боевых действий на территории государств бывшего СССР – в Приднестровье, грузино-абхазской и чеченской войне, во время событий в Дагестане, Нагорном Карабахе и других локальных конфликтах. Его участницы стали героинями армейского фольклора, статей публицистов, литературных произведений, художественных кинофильмов, фигурировали в выступлениях политиков, и даже прототипами разных фильмов.

«Белые колготки» – это были кошмар и легенда адской гражданской войны. И никто не помнил, что именно та Джуна случайно и невольно стала родоначальницей названия этого кошмара.

Но творимые жестокости на поле боя не остались без внимания противника и их собственных боевых товарищей, – их боялись все, с обеих сторон баррикад. Они стали неприкасаемыми и прокаженными, даже в рядах своих же соратников. Это только казалось, что девушки исчезли из нашей жизни вместе с войной. По некоторым предположениям публикаций, если и существовал такой отряд, то, скорее всего, он был уничтожен российскими военными в ходе вооружённых конфликтов, – но так ли это?... Нет, они растворились в толпе и стали заказными снайперами, жестокими киллерами, изощренными убийцами, – мстили и зарабатывали себе на жизнь и на месть. Потому стали мишенью поиска правоохранительных органов всех стран, в которых им потом пришлось скитаться с оружием в руках и воевать. «Военные преступления не имеют срока давности»! – так звучало на многих трибуналах и судах, в которые с годами попадали в качестве подсудимых ее соратницы.

Если бы не менеджер «Тени», неизвестно, что было бы с самой Джуной. Но после беседы с ним она, милая, хрупкая на вид в своих неизменных белых колготках, бесследно исчезла из камеры и появилась...

... в тихом хвойном лесу около Клиники.

Дневник. Год первый. День пятьдесят девятый.

Господь, Люблю Тебя, Спасибо Тебе, Нуждаюсь в Тебе, Приди Сейчас в Мое Сердце!

Остров просто насыщен вооружением. Но мне, как и жителям Острова, если бы они были, его не видно. Больше всего натыкаешься на всевозможные удобства для проживания. Я понимаю, что папа обустроивал наш с мамой быт по своим возможностям и месту в социальной лестнице, и основные массы людей жили бы в условиях не столь комфортных, но на то он и был одним из центральных умов и «стержней» этого проекта.

Как я и писала (или еще не писала?), я живу в микроскопическом домике посреди внутреннего моря Архипелага, – доме моих родителей, который выстроил мой отец и поселил здесь нас с мамой. С башенки видна почти вся внутренняя водная часть Архипелага, а с океана башенка не видна, даже если она выдвинута в наземное положение, – горный рельеф острова его закрывает. Это всё может задвигаться под землю в случае опасности.

Летописи говорят, что данное положение этого поста было выбрано в стародавние времена еще пиратскими кораблями, как центральный внутренний наблюдательный пост. Но следов пиратов я не находила, – да и откуда будут такие следы после стольких столетий и столь грандиозного строительства. Может, врут?

Надземная часть нашего дома не единственная и не основная часть даже самого дома. Есть подземная и подводная части. С основными строениями Города имеются глубоководные и подземные сообщения. Как у айсберга, снаружи видна лишь маленькая часть самого «айсберга», так и у моих родителей наружная часть дома – лишь очень малая часть самого дома.

Моя любимая башенка для наблюдения за водной гладью и дождливые дни в стереотрубу и за звездами в телескоп ночью часто с самого детства была моим любимым местом игры и нахождения. Здесь же я расположила один из своих компьютерных пунктов для работы и развлечения. Просто интересно, когда на одних экранах ползут графики котировок биржи, на других переключаются различные картинки наружного наблюдения, параметры систем Острова, отчеты систем охраны, мультики и пр. Отсюда, как из любой другой части, можно управлять всеми службами.

Это моя личная комната в глубине острова. Это самая маленькая каморка, которую я нашла в подводной части дома. Мне она нравится своей компактностью и уютом. Стены утеплены в скалы, а купол и передняя стена выступают прямо в океан. Вокруг постоянно меняющийся пейзаж: плавают рыбы и медузы, ползают морские обитатели, качаются водоросли... Влево лесенка в рабочий кабинет, где так же расположен целый каскад моих компьютерных экранов. Купол в кабинете, выступающий в океан, несколько меньше, но тоже дает приятный умиротворяющий вид над рабочим столом. Отец уверял маму, что эти купола построены из особого прозрачного монокристалла, и разрушить его практически невозможно. Никто не проверял его на прочность ядерного взрыва, но обычными средствами, – говорил, – разрушить не удалось. Потому мама спокойно сама сидит часто у меня в комнате или кабинете, – и мне разрешает.

У мамы тоже есть свои комнаты, как на поверхности, так и в глубине. Она провела там слишком много времени во время своей болезни, но после выздоровления совершенно не устала от этих помещений.

Папины комнаты закрыты. Нет, они не заперты, – но мы туда мало ходим. Зачем? «Они ждут его возвращения», – сказала однажды мама еще до своей болезни, да так и получилось. В

его комнатах нет ничего, что нам может быть постоянно нужно, пыль, как и по всему Городу, собирается автоматически, – потому они стоят нетронутые.

ЧТО ДЕЛАТЬ? – не знаю.

Отряд. 002. Тренировка.

– Сестра, а где вы здесь восстанавливаете физическую форму? – я увидел вопросительный взгляд. – Ну, физкультурой где занимаетесь?...

– Здесь недалеко от Дома есть спортивный комплекс.

– У всех в отряде есть спортивная одежда?

– Насколько я знаю, – да.

– Передайте всем общий сбор на спортивном комплексе на стадионе через час. Вы готовы стать моим тренером?

– Вполне.

– Тогда мы с Вами отправляемся на стадион сейчас, – сразу после того, как оба переоденемся, – я не то чтобы не хотел показать своей группе (своему отряду), что, скорее всего, отстаю от них в физической подготовке, хотя они об этом и так знают. Я ведь программист, а не боевик. Просто я решил сначала узнать размеры и возможности этого спортивного комплекса.

– Есть, командир.

– Приступайте к выполнению.

Я прошел в гардеробную, нашел там спортивную одежду и переоделся. В комнате меня уже ждали 2 сестры. Ну, да понятно! Одна работает со мной, а вторая должна нас охранять! Я улыбнулся и вышел с ними из Дома.

До спортивного комплекса я с сестрами прошел пешком. Это заняло 15-17 минут быстрым шагом по асфальтированной дорожке. Комплекс был небольшой: крытый упрощенный стадион без зрительских трибун, без табло для публикации счета матча и других публичных атрибутов. Это был стадион чисто для тренировок и работы над своими целями: мышцами, связками, дыханием, спортивной формой.

Стадион был крытым, судя по количеству ламп и прожекторов, хорошо освещен, если заниматься спортом предпочитаете в темное время суток. Отдельно стояло большое количество спортивных снарядов и тренажеров для работы над различными группами мышц. Были раздевалки, – как групповые, так и индивидуальные. Комнаты отдыха, и даже бар. Медицинский отсек, – не привычного белого цвета, а нежно зеленого, – хотя и с привычными для нас красными крестами.

Душевые, туалеты, массажные кабинеты, склады техники и амуниции. За отдельной оградой был теннисный комплекс на несколько кортов. Волейбольная и баскетбольная площадки.

Пока я осматривал устройство стадиона, подошел и мой отряд.

Я и не заметил, как начал называть их – «мой отряд». По команде привычно построились. В строю не хватало одного водителя и Повара.

– Солдаты! – начал я свою речь. – Мне разрешили назвать вам свое воинское звание, – капитан. И передали вас под мое командование. Думаю, что вы все это знаете и раньше, – некоторые закивали. – В настоящее время у нас нет общей задачи, – но есть задача, которую пока я должен выполнить сам. Вас мне в настоящее время придали для обеспечения этой задачи в виде охраны меня и всего того, что я...

Мне стало тошно и противно от того, что я стою перед ними и произношу речь о том, что они должны меня охранять. Я махнул рукой и сел на траву стадиона. Жестом предложил им всем устроиться вокруг меня. Девушки с облегчением, как мне показалось, уселись в полукруг около меня.

– Девчонки, – они переглянулись и улыбнулись, – все, разом! – Девочки. Мне надо выполнить задание командования, а вы меня и результаты этой моей работы охраняете. Я не хотел бы жить по законам военного подразделения, да я и не военный в душе. Называть меня «Кэп» не

надо нигде, – это просто может демаскировать нас в любой обстановке. Называйте меня Олег, как и раньше. Я тоже буду звать вас всех по имени, – все согласны? – дружно закивали в ответ.

– Какие задачи нам предстоит выполнять вместе, – я пока не знаю. Но, думаю, это будет достаточно трудное задание, – видно хотя бы потому, как вас подбирали. Пока у нас есть время, нам надо подружиться и стать хорошим отрядом. Я понимаю, что вас готовили каждую для достаточно узких целей, потому углубляться не буду. Мы – отряд, «банда» или «команда», – назовите так, как вам больше нравится. Я не призываю иметь свои отрядные знамя и гимн, но мы должны ВСЕ возвращаться из любых заданий, по возможности не только живые, но и здоровые. Я никого не хочу хоронить или преждевременно провожать на заслуженный отдых.

– В настоящее время вижу две задачи: 1. Подружиться всем. 2. Сохранить свою физическую форму и навыки. Для второго пункта у нас есть этот чудесный спортивный комплекс, на котором мы в настоящее время находимся. Для командования во время занятий выберете одну из вас, которая будет инструктором. Если инструктор для какого-то упражнения не подходит, – никто не мешает выбрать другого инструктора. Важное условие то, что инструктор делает все то, что делают все.

– Для первого пункта – дружбы – рекомендую больше проводить времени вместе и находить точки пересечения ваших интересов и увлечений. Вы не заняты круглосуточно в несении вахты или службы, у вас масса свободного времени, – вот и занимайтесь танцами, плаванием, гимнастикой, вышиванием, – что вам приятно. И побольше общайтесь друг с другом.

– Первый шаг для этого вы все уже сделали, когда с разной степенью искренности, – я обвел их взглядом, и многие просто стали смотреть в траву, – рассказали о себе во время нашей воскресной вечеринки. Тогда же вы все продемонстрировали, как здорово вы умеете танцевать на подиуме у шеста, – девчонки заулыбались, – и многие показали свои навыки нырять и выныривать, – послышался смех.

– Олег, а можно будет нам иногда в город ездить? – спросила Хозяйка.

– Думаю, что можно, но позвольте я уточню этот вопрос у своего начальства. Уж извините, в плотном графике своей работы я как-то не догадался уточнить этот вопрос.

– Прощаем, – ответили сразу многие и все заулыбались.

– Девушки, вы каждая знаете сильные и слабые стороны своей физической подготовки, потому я не настаиваю на общих занятиях в течение всего времени занятий, – каждая занимается тем, что ей нужно. Но начинать и заканчивать мы будем совместной пробежкой. Имейте в виду, что я по жизни не спортсмен, а офисный планктон, – раздался дружный, громкий и уже свободный смех, – и потому я за вами не угонюсь никак. Потому гоняйтесь друг за другом, и на мою скорость не обращайтесь внимания.

Словом, мы побежали... Сразу же разделились. Одни побежали быстрее, другие медленнее. Появились группы бегущих. Я бежал в сопровождении одной из сестер. Сразу стало видно, кому бег дается лучше, а кто привык заниматься силовыми видами спорта... Нет, скорее не спорта, а нагрузок.

Потом, после пробежки, все разбежались – опять группками – по разным снарядам. Я пошел к тренажерам. Нет, ну, правда, не через козла же мне прыгать. Я просто не угонюсь за этими длинноногими американками, – они, как я думаю, свой автомобиль не только обгонят, но и перепрыгнут без шеста и без разбега. И надо же мне, офисному планктону, с чего-то начинать...

Уже на седьмом поте я побежал опять по дорожке, и ко мне присоединились остальные девушки. Теперь они старались не убежать вперед, а идти в группе, – больше группируясь вокруг меня. А у меня уже ноги заплетались! И дыхание, – нет, не сбивалось, – его просто уже не было. Когда...

Я не сразу понял, что меня с двух сторон подхватили сильные руки, оторвали от земли и понесли. Я болтал ногами, громко ругался (не матерно, – а просто кричал возмущенно), пытался вырваться. Но всё было тщетно. Они донесли меня до крыльца Дома и только там поставили на землю. Потом козыряли мне, пробегая мимо, и улыбались. Я понял, что они очень точно восприняли мои слова, что пробежку и дистанцию мы должны заканчивать все вместе, как команда, – и потому вот так решили это сделать.

Немного болели руки и подмышки, за которые они меня держали, но на фоне того, как болело после занятий физкультурой всё тело, – это были просто мелочи. Как-никак я пролежал несколько недель в реанимации, в буквальном смысле слова прикованный к кровати. И я на самом деле был по жизни пусть и не планктоном в офисе, но максимальными офисными нагрузками были катание на стульях и баскетбольный бросок скомканной бумаги в корзину соседа.

Я поплелся под душ и упал потом на кровать. Но полежать и расслабить все мышцы мне так и не дали...

Отряд. Личное дело. Массажист. 001.

Над морем, как и над всей Японией, садилось солнце. Отец Тако сидел и смотрел на море с высокого обрыва. Если лететь отсюда вниз с обрыва, то успеешь прочитать молитву два раза. Но и море было просто чистое и внешне очень ласковое.

Тако обняла его сзади, и отец вздрогнул и прервал обычное течение мыслей. Он понимал, что рано или поздно девочка уйдет в большой мир, и связь с внешним миром, нарушенная после смерти его жены, прекратится окончательно. Его не интересовали более ни люди, ни животные, ни птицы. Его любимая жена ушла с улыбкой, хотя опухоль приносила ей неисчислимые страдания и неутрачивающие боли, – а он не мог уже ей ничем помочь. Но женщина не хотела пугать дочь и не хотела, дополнять страдания своему мужу, – потому болела и умирала с улыбкой.

После этого годы он посвятил дочери. И, вот, ей уже на днях пора идти в большой мир.

– Отец, там пришли старейшины. Они хотят с тобой говорить.

– Мне не о чем с ними говорить.

– Они принесли плохую весть. Нашему Верховному совсем плохо.

– Он не соблюдал предписанное ему. И теперь я ничего не смогу поделать.

– Но ты же можешь хотя бы пойти и посмотреть на него... – девочка не просила, – она боялась за отца.

Тако ежедневно взбиралась от поверхности моря на этот утес над морем с выпрямленной спиной, как учил ее отец, и знала, что ему всё труднее спускаться с утеса. Он после смерти матери таял и таял.

Отец поднялся и подошел к старейшинам. Они почтительно обступили его со всех сторон, склонились в поклоне.

– Лекарь, мы не можем смотреть, как умирает Верховный. У него огонь внутри съедает его, а руки и ноги замораживает вселенский холод... – начал самый ярко одетый старейшина, но отец остановил его, подняв вверх руку.

– Я не могу ему помочь выжить, но могу помочь ему тихо умереть, – старейшины резко отшатнулись от мужчины. – И никто уже не поможет ему. Но и тихую смерть тоже надо зарабатывать. Если вы готовы, чтобы смерть прекратила его мучения, то помогите и мне, раз я нарушу течение воли нашего бога.

– Всё, что ты захочешь, – раздался разрозненный голоса.

– Моя дочь к концу моей долгой смертельной молитвы над телом больного должна быть уже за горизонтом. Мне всё равно, как вы это сделаете, но это моя воля и моё условие.

– Он просто сумасшедший, – раздался дружные голоса. Старейшины ушли вниз. Толстые и неповоротливые, они, кряхтя, спускались с горы и причитали, упоминая непрерывно бога и свои просьбы к нему.

Однако через пару часов на гору поднялся молодой японец и тронул за плечо Тако. Та оторвалась от отца, которого обнимала, сидя рядом, всё время после ухода старейшин, и оглянулась.

– Скажи отцу, что на той стороне горы сел вертолет. Мы договорились, что он возьмет тебя с собой. Но времени у больного мало, надо идти, – парень просто боялся обратиться сам к этому божеству, которым считали его многие в их селе. Потому, пока поднимался вверх, решил разговаривать не с ним, а с его дочерью.

– Хорошо, Тако, – поднял глаза на дочь отец. – Я спущусь к ним, а ты иди к вертолету. Тебе нечего собирать с собой, – у тебя всё есть с собой, что тебе надо. И мы всё с тобой раньше обсудили. Прощай.

– До свидания, отец! – девушка заплакала. – Я вернусь.

– Этого не будет, – сказал отец, еще раз обнял дочь и начал спускаться.

Так Тако уехала из своего островного селения в большой мир. Через несколько часов после ее отлета на острове взорвался вулкан и залил остатки острова и океан горячей лавой, – и никто из селения больше не выжил.

Тако устроилась в большую клинику, где ее отца знал главный опекун клиники, и искренне хотел сделать его дочери хорошее. Ведь отец когда-то спас его ребенка от тяжелого недуга, когда уже ни один врач не брался помочь. Клиника специализировалась на массаже, и ставила на ноги людей после разных заболеваний. Девочка со своим даром воскрешения сил стала настоящей звездой и центром этого предприятия. Под ее руками распрямлялись спины горбатых и прозревали невидящие, рождались младенцы и с миром уходили в страну покоя больные старики.

Но девушку не покидало чувство, что она что-то мало делает в честь памяти своего отца, и что тот объем знаний и умений, который она использует, – лишь малая часть знаний и умений, которые передал ей отец.

И она решила покинуть благодатную клинику под стенания опекуна, – и родственников многих больных.

Где она ходила после своего ухода из клиники, чем занималась, кого исцелила, – так никто и не знает.

Но однажды днем она, остановив двигатель, вышла в летном шлеме из кабины маленького частного вертолета...

... в тихом хвойном лесу около Клиники. И улыбнулась подошедшей Хозяйке.

Олег. Клиника. 014. Отчет по первому заданию.

Итак. Мое первое задание – «достать» из недр информационной сети Клиники и корпорации «Тень»: 1. Личное дело Лейлы. 2. Информацию об основателях Клиники. 3. Что-то из финансовых бумаг. 4. Что-то о клиентах Клиники. И еще что-то, что сам придумаешь...

Срок – сам напросился: НЕДЕЛЯ.

Условие: Желательно не взорвать и не сильно «завалить» их совместную сеть.

Теперь мои два кабинета были похожи на большую коллекцию окон в мир. Десятки экранов светились вокруг меня на стене, ещё 4 штуки были укреплены на столе по два с обеих сторон от основного экрана. Два последних – огромных сенсорных – были горизонтально вмонтированы в мой стол. Добавьте так же голографические выходы передо мной, проекторы на потолок, – я специально поставил раскрытый диван-кушетку в центр кабинета, чтобы лежа с планшетом в руках можно было работать.

Информация сразу дублировалась в машинах кабинетов по мере ее накопления и обновления. Сервера ВЦ работали на меня, но пока не пускали покопаться в их «внутренностях», – ждали взлома. Входы в сеть мне были предоставлены как со стороны разных «внешних» сетей, так и как собственно пользователь сети с достаточно высоким рангом, но без права получить оговоренную информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.